

18+

Владимир Мишин

День гнева

Владимир Мишин

День гнева

«Издательские решения»

Мишин В.

День гнева / В. Мишин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сентябрь 2000 года. Журналист Женя Шаров и его
супруга Лера (герои романа «До последнего врага») приезжают в город Н.
В губернской столице происходят странные события, в которые, словно
в воронку смерча, затягивает Женю. Осознание, что он и его близкие — всего
лишь расходный материал в большой политической игре, приходит к Жене
слишком поздно. Провидение уберегло Женю от пули убийцы, но за смерть
близких должны ответить кукловоды Н-ской трагедии...

© Мишин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Из трёх зол	6
Глава 2. Разведка боем	20
Глава 3. Совесть или закон?	26
Глава 4. Под колпаком176	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

День гнева

Владимир Мишин

© Владимир Мишин, 2026

ISBN 978-5-0071-2693-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Нет больше той любви,
как если кто положит душу свою
за друзей своих.
Библия, Новый Завет,
Евангелие от Иоанна, гл. 15, ст. 13.*

*Не обманывайтесь:
худые сообщества
развращают добрые нравы.
Библия, Новый Завет,
Первое послание к коринфянам
святого апостола Павла, гл. 15, ст. 33.*

*Открывается гнев Божий с неба на всякое
нечестие и неправду человеков,
подавляющих истину неправдою.
Библия, Новый Завет,
Послание к римлянам
святого апостола Павла, гл. 1, ст. 18.*

Глава 1. Из трёх зол

Дина принесла беду.

Ничего иного после получения эсэмэски «Встречай на Павелецком¹ — один» и не ждал, но молил, надеялся, что беда так себе, «среднего калибра» и «как-нибудь сама рассосётся» и без нашей родственной «деятельной любви»².

Дина вышла из вагона — хмурая, жёлтая, холодная — отточенный штык, а не женщина, в руке — тощая сумка (приехала почти без вещей, получается, на день-два, а сие означает одно: времени обдумать проблемку и решить, слёзно обниматься или иезуитски уклоняться, у меня мизер — ещё один знак беды?). Коснулась ледяными губами щеки (манекен, не человек), взяла под руку (жёстко, словно робокоп³) и повела по платформе к выходу.

На ступенях вокзала (мимо сограждане с баулами-чемоданами туда-сюда, назойливые с «шашечками» и без навязывают дёшево и хоть замкад⁴) охладила самого наглого зазывалу взглядом Снежной королевы⁵ — «зачистила территорию», отвела меня в сторонку, подальше от чужих ушей, и сухо-хрипло за пять минут (засёк по часам) поставила точки над і.

В спиче⁶ эмоций — ноль, только дистиллированная силлогистика⁷: снимаю шляпу, преклоняю колено и — в качестве ответной реакции — достаю из сундука с нафталином избранный ненорматив (мысленно, конечно).

В спиче — формула беды.

Первый член уравнения: Ники (старший брат Леры, 24 года, губернский жур и законный супруг Дины) написал статью для областной газеты (именуется рупор звучно: «Волгарь», владелец — магнат-нувориш⁸). Губер прочитал (или помощник пересказал), взъярился и дал команду своим гончим: «Ату его!». Борзые команду босса выполнили и в минувшую пятницу повязали жура-вольнодума. Но бросили жертву местечкового авторитаризма не в каземат, а в городскую психушку. Хотя замотивировать узилище «по закону» было бы легче лёгкого: в карман Ники лёгким движением руки опера вкладывается, затем, на глазах статистов-понятых, извлекается пакетик с наркотой, далее протокол и следственный изолятор — схема продажными милицейскими откатана-отработана до автоматизма. Резонный, по ходу спича, вопрос: почему в Н. отказались от беспроектного хода с наркотой-казематом и сделали рискованную ставку на архаику карательной психиатрии времён оттепели⁹ и застоя¹⁰? У нас, по «ящику» балаболят, как никак, торжество демократии и прав человека, и наркота для нейтрализации неугодных власти здесь самое то! «Гнездо кукушки»¹¹ — сие версия Дины (начиталась девушка Кена Кизи, посмотрелась Милоша Формана, головка от аллюзий и закружилась), насколько

¹ — Павелецкий — железнодорожный вокзал в Москве (здесь и далее примечания автора).

² — «Любить не словом или языком, но делом и истиною» — Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова, гл. 3, ст.18.

³ — Робокоп — робот-полицейский.

⁴ — Замкад — территория за Московской кольцевой автодорогой (12—18 км от центра столицы).

⁵ — Снежная королева — персонаж одноимённой сказки Ханса К. Андерсена (1805—1875).

⁶ — Спич (от англ. speech) — выступление.

⁷ — Силлогистика — теория логического вывода, исследующая умозаключения, состоящие из категорических высказываний.

⁸ — Магнат — обладатель больших богатств; нувориш — человек, внезапно разбогатевший на разорении других во времена исторических перемен.

⁹ — Оттепель — политическое клише, используемое для характеристики периода в истории СССР (середина 1950-х — середина 1960-х годов).

¹⁰ — Застой — политическое клише, используемое для характеристики периода в истории СССР (1965—1985).

¹¹ — Аллюзия на роман американского писателя Кеннета Кизи (1935—2001) «Пролетая над гнездом кукушки» (1962); одноимённая экранизация (Голливуд, 1975) чешского и американского режиссёра Милоша Формана (1932—2018).

близка к истине, ведать не могу — не волхв-прорицатель. Поэтому факты хорошо бы проверить «с криминалистической точностью». Роль Н-ского ревизора, точнее, жура-расследователя, конечно, моя стихия. Но лишь в том случае, если окажусь на месте губернской трагедии (вариант — трагифарса). Пока в палестины¹² спич сродственницы не тянет. И кто взвесит, кто отмерит, кто просчитает истину, если в Н-ском деле туго, словно в Гордиевом узле¹³, переплелись губерны, магнаты, психиатры, нейролептики¹⁴, милицейские и прочие туманности?

В приёмном отделении «гнезда» Ники кольнули — без консилиума-диагноза — какую-то гадость (симптоматично? или злонамеренно?..), в воскресенье в стационаре добавили новую (верным путём лишают жура-вольнодума воли-разума, превращают в овощ эскулапы хреновы!), у парня в ответ — странная реакция. Аллергия, передоз, синергия¹⁵ — детали, интересные для спецов, для нас важны дикая заторможенность Ники (оценка Дины, нужна проверка), брадикардия — пульс упал до 44, ну и мышцы перестали слушаться (если сигналы центральной нервной зелье блокирует, реакция закономерная).

На след Ники испуганная-растерянная (муж исчез среди бела дня — матримониальный¹⁶ рефлекс благоверной естественен) валькирия¹⁷ вышла в пятницу ближе к полуночи; в субботу-воскресенье яростные атаки Дины на заведение легко отбили санитарки («Женщина, угомонитесь, не мы решаем, не мы, врачи!», хотя, в общем, тётки правы: они — прислужницы, а не вершители судеб запертых в «гнезде»); в понедельник с утра девушка вновь кинулась в психушку спасать любимого. К главному эскулапу¹⁸ экспрессивную не пустили, сказания о правах человека, свободе личности, сатрапах, палачах и прочей вербальной мишуре послушала секретарша. (Дина — девушка вроде взрослая, а иллюзиями полна, словно дитя малое, на сказках благодетельных воспитанное: по-прежнему слепо верит в силу добра и праведного слова.) Привратница оказалась тёткой хитрозадой: жалобщицу выслушала, завитой покивала, команду клеветам¹⁹ повязать правдолюбку да кольнуть в мягкое гадость нейролептическую не дала (а могла ведь!) — отправила ораторшу к лечащему врачу Ники — некой Аде Борисовне Мерлин-Ордынской, к.м.н.²⁰ (статус мелкий, но всё же научный, ситуацию мемом²¹ «хорошо подготовленный, опытный, эрудированный спец» осложняющий). Эскулапка от эскапад²² Дины отмахнулась и ударилась в суггестию²³: лечение правильное, эффективное, мы вообще благодетели, могли бы неадекватна «за уличное, с целью изнасилования, нападение на добропорядочную гражданку России» в буйное, за решётки стальные к патологически близким сексуальным маньякам! А мы, все в белом и гуманисты, клятву Гиппократову²⁴ давшие, в психосматику почти санаторную, к тихим да безропотным шептунам, супруга вашего экстремального поместили. Но всё-таки роль гуманиста-благодетеля Адка до конца не довела, под занавес клацнула челюстями, явила сущность, Кеном воспетую: и вообще, девушка, будете шуметь, мы вас быстро в женское отделение определим! И указала перстом на дверь: дескать, прочь пошла, бестолковая

¹² — Палестины — родные, домашние места.

¹³ — Гордиев узел — сложный, запутанный вопрос, трудная задача; фразеологизм возник от имени фригийского царя Гордия (IV в. до н.э.), создавшего запутанный узел.

¹⁴ — Нейролептик — препарат, подавляющий психическую деятельность головного мозга.

¹⁵ — Синергия — комбинированное воздействие факторов.

¹⁶ — Матримониальный — относящийся к браку, супружеству.

¹⁷ — Валькирия — в скандинавской мифологии — дева-воительница.

¹⁸ — Эскулап (уст. шутол.) — врач (по имени бога врачевания в римской мифологии).

¹⁹ — Клевет (книжн. презр.) — приспешник, приверженец.

²⁰ — К.м.н. — кандидат медицинских наук.

²¹ — Мем — единица значимой для культуры информации.

²² — Эскапада (книжн.) — дерзкая, вызывающая выходка.

²³ — Суггестия — внушение, психологическое воздействие на сознание человека.

²⁴ — Гиппократ — древнегреческий целитель и философ, вошёл в историю как «отец медицины»; клятва Г. — врачебная клятва, выражающая основополагающие моральные принципы поведения (работы) врача; один из базовых: «Не навреди».

и неблагодарная! Дина децибелы²⁵ сбавила и слёзно попросила встречи с супругом, но в психушке оказались сплошь законники: «У нас свидания с болезными с 17-ти до 19-ти!»

Дальше ещё интереснее: во дворе богоугодного²⁶ мимо скорбящей Дины прошелестела некая соратница Гиппократы, да не просто так, а с шепотком кассандровским²⁷: «Женщина, вторая инъекция (речь, надо полагать, о воскресной дряни, которая сделала Ники обезноженным) убьёт вашего супруга! Спасайте мужа, скорее забирайте его из больницы!» Может, истина медицинская, может, скрежет зубовой завистницы-интриганки, но Дина решила ставить на худший вариант. Сие, конечно, разумно... Да и выбор невелик...

В общем, как ни крути-верти ни мудруй, а на донышке стержнем вопрос вечный: быть или не быть²⁸?

Ну а казус Ники — это так, частная производная всемирного противостояния Добра и Зла.

Дрянь нейрорепитивную — по инструкции-протоколу — впрыскивают раз в неделю, вторая доза — в ближайшее воскресенье, сегодня — вторник, поэтому крайний срок вытащить Ники из узилища и спрятать правдолюба до поры до времени в надёжном месте — первые два-три постсубботних часа.

За «идущими на смерть»²⁹ камикадзе сродственница в Москву и примчалась.

По плану Дины, мушкетёров-избавителей должно быть минимум трое, двое — уже не комплект и срыв операции «Психушка». И это могут быть только свои, проверенные, в критический-судьбоносный миг встающие плечом к плечу, спина к спине люди. Оно и понятно: кто другой пойдёт на презрение к Уголовному кодексу за одну идею? А если повяжут, не предаст, не сдаст сотоварищ³⁰ милицейским?! Опять же и с золотым запасом у Дины туго, и времени искать наёмников нет, и довериться ландскнехтам³¹ сердце вешнее и разум холодный не велят — сдадут ведь (правоохранителям или закулисе), если что, продажные наймиты.

Короче, вызволять Ники из беды, а потом по приговору суда валить тайгу должны Дина, я и Лера на седьмом месяце беременности. Увы, но по закону за художества благородные в заведении богоугодном ждут нас не восторженные поэмы, саги, оды, а шконки³², баланда и прочие лагерные прелести. Полагаю, люди губера статью в УК найдут быстро, я бы на месте начальства ткнул в 126-ю — похищение человека, по которой нам, в лучшем случае, светит до пяти лет. Или — вариант худший, совсем весёлый! — в 206-ю: захват заложников группой лиц по предварительному сговору — от шести до пятнадцати. А если санитарка какая престарелая со страху в небытие уйдёт, так вообще до двадцати или — жуть и мрак — пожизненное. И тогда, понятное дело, «Белый лебедь», «Полярная сова», «Снежинка»³³ — мои «светлые» казематные перспективы.

Пока слушал монолог Дины, явился образ: стою, словно витязь былинный, пред камнем придорожным и выбираю одну из трёх предначертанных дорог.

Первая — благородная, глупым сердцем выбранная: беру такси, везу беду в Измайлово, в чертогах объятия, бабьи слёзы, Дина излагает свой безумный план, Лера рыдает: «Мы должны

²⁵ — Децибел — единица измерения громкости звука.

²⁶ — Богоугодное заведение — больница, приют, любое благотворительное заведение.

²⁷ — Кассандра — в древнегреческой мифологии дочь троянского царя Приама, наделённая Аполлоном даром пророчества.

²⁸ — «Быть или не быть?» — английский поэт и драматург У. Шекспир (1564—1616), «Гамлет» (1623), акт III, сцена 1.

²⁹ — «Идущие на смерть приветствуют тебя» — фраза, которой древнеримские гладиаторы приветствовали императора перед боем на арене.

³⁰ — Сотоварищ (устар.) — товарищ по какому-либо делу.

³¹ — Ландскнехт — наёмник (от немецкого наёмного пехотинца эпохи Возрождения).

³² — Шконка (крим. жарг.) — койка, спальное место в исправительном учреждении.

³³ — Колонии для пожизненного заключения в России.

спасти Кольку!», я в ответ: «Конечно, любимая — мы своих не бросаем: один за всех и все за одного!», мчусь в банк за денежкой, потом на Павелецкий за билетами (лето, сезон отпусков, в кассах пусто, единственный шанс успеть в Н. к сроку — дорогуший спальный вагон). Поутру летим на паровозе в губернию спасать брата Кольку — и оказываемся аккурат³⁴ в волчьей яме³⁵ (есть такое чувство, есть). Как постфактумный³⁶ вариант — в казематах.

Дорога вторая, выбранная холодным рассудком, преисполненная здравого смысла и мудрости житейской: отказаться от лихого-разбойного спасения Ники (по закону вызволить парня из психушки шансов у нас, мысля, практически нет, хотя на этой правовой стезе сыграть парую другую «сцен из губернской жизни» — хотя бы из любви к искусству, — полагаю, можно) и, «жертвуя фигурой», свести партию «вничью». Вариант рациональный (цивилизованная Европа и сограждане из говорунов-законников мне аплодируют), требующий развернуть Дину, потянуть девушку к автобусам в края дальние и пихнуть правдоискательницу коленом под зад в салон, далее — палестины. А на прощание молвить бедоносите слова прозорливые: уезжай, несчастная, и поскорее! Да, не по совести действо сие, не по-людски, зато меньшее горе: Ники, если сказ твой, дева, не фантазии горячечные, уже, полагаю, не спасти. Во-первых, против нас, легковесных, стоят великаны при бабле и креслах чиновных. А сие означает, что ждёт нас в Н. не честное-благородное ристалище по законам рыцарства, а самоубийственное бодание с железной государственной машиной, работающей на интересы губера. Во-вторых, дрянной ты сочинила план, неисполнимый и гибельный! А пасть в борьбе со злом всем родом, племенем, фратрией — это, конечно, красиво, благородно, но — глупо! Для романа, сцены и сериала — в самый коммерческий раз, народ приключения убойные, на сантиментах слезливых настоянные, обожает! А для бытия, определяющего сознание — сие неправильно, нет, неправильно! Ну ладно я, я — при скверном исходе действа — ещё как-нибудь побарахтаюсь, а Лера с дитятей?! О них ты, валькирия безбашенная, подумала?!

В общем, номер второй — отличный, от печалей и бед уберегающий, вариант.

Но подлый, Иуды Искарота³⁷ достойный.

Плюс «побочка» семейная. Лера мне отступничество, пусть и благоразумием одобренное, не простит, в сердцах назовёт словом хлестким, монолит семьи таранящим — в великом-могучем выбор широк, да и я уйду в самобичевания, угрызения-муки совести и антидепрессанты.

И есть ещё дорожка третья, «междуструйная», которую я, пожалуй, по бедности своей на варианты спасительные, и выберу: Лера и наше нерождённое дитя остаются в Москве, я и Дина мчим в губернию, на месте изучаю обстановку, если угляжу свет в конце туннеля, корректирую идиотский план сродственницы и — ну, это будет просто чудо, в которое не верю! — спасаю брата Кольку.

Увы, на пути этом тернистом капканов, ловушек, тайного, что станет явным лишь постфактум, и прочих событийных загогулин³⁸ с плохо предсказуемым исходом не счесть.

Навскидку³⁹ первая: если губер окажется сильнее (финансы, административный ресурс, столичная властная и силовая «крыши»⁴⁰ — карты козырные, у нас на руках, увы, так, шестёрки), если прошелестевшая соратница Гиппократы зрит в корень, если случится-таки вторая инъекция, Колька, похоже, обречён.

³⁴ — Аккурат (прост.) — как раз, точно.

³⁵ — Волчья яма — ловушка.

³⁶ — Постфактум — после свершения события.

³⁷ — Иуда Искарот — один из 12 апостолов, который предал и продал Иисуса Христа иудейским первосвященникам для пыток и казни.

³⁸ — Загогулина (разг.) — изгиб, причудливо изогнутая линия.

³⁹ — Навскидку (быт.) — без подготовки, без анализа.

⁴⁰ — «Крыша», «крышевание» (сленг.) — охрана, покровительство, защита.

Вторая: за всей этой вакханалией стоит не мстительный губер, а кормилец-поилец-благодетель — магнат-работодатель. (О, персоналии — это архиважно! Персоналии — это узнать-уточнить непременно, до перехода Рубикона⁴¹, хотя времени в обрез!) Спасёт ли такой сюжетный поворотец Ники от инъекции? О-хо-хо, если для благодетеля средство печатное — не рупор «свободы, равенства, братства»⁴², а клык банальной грызни за личные интересы, братец в этой свалке крысиной, похоже, так, материал расходный.

Третья: мотивы, швырнувшие Ники в психушку, что у губер, что у магната — пещерные, но в реалии наши земные вписываются — это факт, а кто направит иглу роковую, жертве не суть важно.

Четвёртая: мерзость, конечно, рафинированная, все эти перипетии Н-ские! Ну ладно, губер и магнат — пока кандидаты в иуды, с ними разбираться надо. Врачам губернским, поклявшимся спасать людей (пока знаю Мерлин-Ордянскую и типа в приёмном), «суд первой инстанции» (это я про себя) приговор вынес — виновны соучастием в подготовке убийства Ники и в аннигиляции светлого образа «люди самой гуманной в мире профессии»⁴³. Увы-увы, заведя персону в белом, теперь впору — чисто условно-рефлекторно, конечно — вопить: «Внимание! Опасность!» (Прости, Лерочка, речь не о тебе!)

Пятая: жаль братика Леры — не повезло, попал в жернова времени и обстоятельств...

Шестая, равнодействующая в моменте: если фатум⁴⁴ не подведёт, поеду не лес валить, рукавицы шить, судьбу-злодейку клясть, а вернусь в Москву... Лера через два месяца родит сына... Дина погорюет и, как знать, найдёт со временем утешителя... Или утешение — работа, церковь, если совсем край — монастырь. Расклад приемлемый, потери, скажем цинично, минимальные.

Счёт им, увы, открыт: у Дины вечером в воскресенье после того, как супругу верную не допустили к Ники и чуть не уложили в женское отделение «гнезда», стресс и выкидыш на третьем месяце... Девушка она, признаю, героическая: взяла больничный — и не здоровьем озаботилась, а вновь в психушку с утра пораньше за правдой, а как фигу в нос получила, сразу в Москву (за билет «бронированный», поди, последние рубли отдала) — к нам, стал быть, за подмогой...

Хотя валькирия не может не понимать, что моё и Леры участие в аванюре Н-ской почти гарантированно пускает под откос наши жизни и судьбу семейную.

И всё же примчалась за подмогой — потому что иных соратников не найти, не сыскать — это я понимаю.

Впрочем, никаких респекта и уважухи для девушки, готовой ради любимого супруга «на всё», даже на заклятие близких, у меня нет и не будет. Потому что чудовищную нравственную дилемму — жертвовать Ники или сродственниками? — Дина разрешила, использовав банальный шкурный⁴⁵ джокер.

— Ты что, мне не веришь?! Думаешь, бред горячечный?! Ну звони, вызывай сволочей, отправляй и меня в психушку! — хрипло, навзрыд, не услышав от меня мгновенного одобрения планам Н-ским безумным, заистерила Дина, лицо ладонями закрыла, затряслась плечиками узкими. Если подождать пару минут, может, повезёт, и у Дины припадок какой бурный случится, белохалатники скорые явятся, а там и до стационара рукой подать, и у нас, точнее, у меня, появится четвёртая путь-дорожка — самая-самая безопасная и в ад совести не ведущая?! Да-а, дилеммушка! Интуиция со здравым шепчут: возьми грех на душу, замости себе

⁴¹ — Рубикон — название реки, которую в 49 году до н.э., начиная гражданскую войну в Древнем Риме, перешёл Юлий Цезарь; символ принятия рискованного, бесповоротного решения.

⁴² — «Свобода, равенство, братство!» — девиз Великой французской революции (1789—1799).

⁴³ — Медицинские работники.

⁴⁴ — Фатум (книжн.) — рок, неотвратимая судьба.

⁴⁵ — Шкурный интерес (разг.) — забота в первую очередь о себе, подчас в ущерб другим.

дорогу в преисподнюю, но тем спасёшь жену и сына! А сердце глупое — да-да, глупое-преглупое! — велит встать на путь гибельный, изречь почти афористическое, в пропасть влекущее:

— Рассказанное тобой, Динуля, слишком ужасно, чтобы быть правдой. Но кошмар реченного не означает, что этого не могло произойти в наших палестинах...

Витиевато, конечно, а Дина (стоит, переминается, сопли размазывает, в меня глазищами впиалась, уходит в припадок, похоже, передумала) ждёт не суесловия, а слова веского. Железная валькирия, прикатившая в столицу «за правдой», исчезла — предо мной жалкая, несчастная баба... Ох, не рви мне сердце, бедняжка!

Вторая — подлая — путь-дорожка, похоже, для меня закрыта... надо бы переступить через совесть — чую: надо! надо! — а не шагается... Ох, и слабак же я!

Или благородный, но глупый идальго⁴⁶?

Лера, поддавшись эмоциям, потянет меня по дорожке первой, благородной...

А по ней нельзя, нельзя — интуиция и голос разума воют сиренами: гибельная она!

Пойдём, стал быть, по третьей?..

На площадке лестничной шепнул-напомнил Дине (сгорбилась, ликом потемнела, того и гляди, от отчаяния счёты с жизнью сведёт, надо бы её минут на пять оставить в подъезде, чтобы не помешала Леру мягко так к несчастью приурочить, а нельзя, потому как форс-мажоры⁴⁷ нам ни к чему — сколько их ещё на пути извилистом-тернистом нас поджидает? — так что бери мученицу за руку, да покрепче, чтобы не вырвалась да глупостей не понаделала, и влеки на хаус⁴⁸):

— Я — говорю, ты — молчишь и киваешь, — и щёлк-щёлк замками: у Леры по расписанию сейчас перекус, и отрывать беременную женщину от лёгкой трапезы звонками в дверь мы не будем — тревоги жизни нашей через-два-месяца-матерям надо подавать дозированно, малыми порциями.

Оставил Дину в прихожей (забывать нормальное русское слово ради иноземного холла мы не будем), сам в ванную руки мыть (не тащить же к молодой мамочке злобные-коварные инфекции с вокзалов, метро и прочих мест массового сосредоточения вирусов-микробов!), потом на кухню устремился, приобнял Леру, поцеловал, на табуретик рядышком присел, помурлыкал⁴⁹ о ерунде, через пару минут, скрепя сердце, молвил мягко, словно о шалости невинной:

— Представляешь, милая, Ники наш в больничке оказался!

Приём сработал: инфо злое Лера приняла малой дозой, отреагировала взглядом растерянным и вопросами невинными:

— В терапии? Или в хирургии? (Облачко хмурое на челе — у зла быстрые крылья...) Дина звонила? Мы должны помочь, да? (Вопросы в точку: это хорошо, мне меньше мелким бесом юлить-изворачиваться.)

— Да, от нас кое-что потребуется... — моргнул чистыми-ясными, от лукавства далёкими (надеюсь, лицедейство примитивное удалось). — Может быть, мне придётся на пару дней сгонять в Н...

И тут взгляд Леры ушёл мне за спину: оборачиваться не надо, и так яснее-ясного — Динка, амазонка хренова, явилась, пришпорила плавный ход истории (эх, не доглядел, на слово бабье понадеялся!).

⁴⁶ — Идальго (син.) — храбрый рыцарь.

⁴⁷ — Форс-мажор — непредсказуемое событие.

⁴⁸ — От англ. house — дом.

⁴⁹ — Мурлыкать (разг.) — говорить мягким, вкрадчивым голосом.

Обнялись девоньки, Лера — сама растерянность, Дина — комиссар в юбке (дрянь дело: видно, открылось некстати у воительницы второе дыхание), сейчас начнёт рубить сплеча, а нельзя!

— Не в терапии, не в хирургии — в неврологии Ники! — зачастил я с упреждением, взял паузу, ну и добавил дозу (от реалий злых всё равно не скроешься): — Точнее, в психиатрии... — Напряглась Лера, глаза распахнула, я вольты сначала сбросил: — Но там, Лерочка, не патология... — ну и, раз адаптация к беде прошла в допустимых пределах (а если ошибся?!), добавил: — ...там другое...

Дина было открыла рот, но я гонца с дурными вестями за плечи — и в угол, в угол, а потом уж раздумчиво, с печалью, аккуратно беду препарировал⁵⁰.

— Сволочи! — брезгливо и зло выдохнула Лера, тяжело поднялась, ойкнула (у меня сердце сок и дышать нечем), погладила животик (у меня вроде как отлегло), качнулась, глазки зажмурила (бедняжка моя любимая, как же тебе больно и трудно, как же мечется, бьётся сейчас твоё сердечко между «спасти брата» и «уберечь семью от бед великих»!) — и директивно подвела черту «парламентским слушаниям»:

— Завтра, в среду — поезд, в четверг утром мы в Н., с вокзала — в психушку: разберёмся, оценим, примем решение. Ты «за», любимый?

— Конечно, — легко согласился я, — но ты с дитятей остаёшься в Москве!

Оппортунизм — меньшее зло: если б возроптал, ничего бы не изменил — только Леру до слёз, а то и — тьфу-тьфу! — родов преждевременных довёл. Тем более технических резонов для отмены-задержки вояжа в Н. у нас нет: любимая — в академе⁵¹, я — стрингер⁵², обещанное внедрение в штат газеты — в сентябре, ну и февральские репарации⁵³ сделали нас финансово свободными для авантурных одиссей.

— Без третьего игрока нет команды, — наждаком по стеклу провела Дина-валькирия.

Лера выразительно посмотрела на меня, я благоразумно решил, что и билетов на поезд в кассе может не быть, и в Н. выяснится, что Ники в психушке оказался «по делам», и тогда идея «штурма гнезда» обнуляется «по естественным причинам». А если имеем всё же дело с комплотом⁵⁴, накладки — а они наверняка появятся! — на провальный план Дины отсрочат «штурм» узилища на день-другой, а то и третий. Лера этот факт медицинский примет как данность, а если Ники переживёт вторую инъекцию, то и «штурмовать» психушку, вестимо, не придётся: раз пророчество летальное не сбылось, к свободе братца можно топать хотя и долгим, но законным путём.

Перед вояжем в банк за денежкой и на вокзал за билетами прихватил у Дины газетку со статьёй запальной (молодец, не забыла в Н., одобрямс тебе, валькирия!) — с неё, проклятой, всё и началось, как же ввязываться в авантюру без изучения первоисточника бед?

«Волгарь» — пресса губернская, хозяин рупора — магнат, он же соперник губера за кущи плодоносные, потоки бюджетные, ресурс административный (а может, ещё какие цели интересные у воротилы-глобалиста?) — яснее ясного, на чьи интересы — и против кого — поработал Ники статьёй крамольной. (Жаль, жаль, не почуял засаду братик, не уберёгся, не

⁵⁰ — Препарирование — вскрытие материала для изучения его структуры.

⁵¹ — Академ — академический отпуск в учёбе.

⁵² — Стрингер — внештатный корреспондент.

⁵³ — См. роман Владимира Мишина «До последнего врага».

⁵⁴ — Комплот (устар.) — заговор.

уклонился от «заказняка»⁵⁵ гибельного, в расходный материал хозяина жизни добровольцем записался, ну и нам близорукостью своей бытие изрядно осложнил.)

Напрягло «до красной черты на манометре» другое — замаячившая за губернскими кулисами мадам Осад⁵⁶ — Химик мерзопакостный, враг недобитый, злейший, опаснейший и коварнейший.

Ники-то — по указивке главреда, ну а тому, к оракулу не ходи, магнат велел — случай частный, хотя и с последствиями летальными, вытянул на «широкие обобщения», соотнесенные с фабрикой фармацевтической сына губера и креслом высоким папашки-покровителя. Фактура⁵⁷ статьи простенькая: купил старичина местный, заслуженный, всю жизнь трудовую наполнявший «разумным, добрым, вечным» головки школярские, гепатопротектор от «Губер и сыновья», девять капсул принял — здоровее стал, а десятая вогнала дедушку 80-летнего в такой экстаз сексуальный, какого спутница жизни верная от старче весь полтинник золотой с плюсом так и не познала. И всё бы ничего, да помер старче на пике вождения — не выдержало сердечко, годами да школярами изношенное, страсти африканской. Я-то понимаю, что десятая капсула — злой привет от мадам Осад. Как она оказалась в блистере (а может, и не в блистере? Кто знает, а дедушка уже не покается, где зелье раздобыл), вопрос конспирологический, юридически открытый. Только Ники от главреда установку получил иезуитскую и так сложил факты с плачем супружницы дедовой, что мозаика в итоге получилась, как, надо полагать, магнат и заказывал: сын губера народ химией травит, дедов наших, кровь за Отечество и народ проливавших, до смерти доводит, начальник наследника, вестимо, покрывает, доколе, сограждане, терпеть будем произвол к власти приобщённых, озабоченных не печалью народных, а поклонением тельцу золотому?! Отличный предвыборный чёрный пиар! Ну а Ники, вестимо, материал расходный — жур своё дело сделал, жура можно в психушке и усыпить. Да не просто можно, а нужно! Только, мыслю, не столько губеру — зачем начу областному делу резонансное? — сколько магнату. И тогда, если Ники в «гнезде» канет в Лету, шансов на переизбрание — «Волгарь» и магнат скандалище постараются раздуть до масштабов вселенских! — у губера так, процентов десять, а то и пять. Получается, сколько ни голоси Дина о злодее-губере, смерть Ники в заведении богоугодном выгодна магнату, а не «князю удельному» — для хозяина края она скорее губительна, чем спасительна. Да-с, это смена полюсов... Но с Лерой и Диной мыслишкой этой хитрой делиться рано: магнат для валькирии — да и для Ники — кормилец-работодатель, и принять-осознать, что радетель и почти «отец родной» — организатор и главный злодей семейной трагедии — амазонке будет не легко — да, не легко.

Хотя разницы, кто использовал Ники как одноразовый инструмент, для девонек никакой: Дина-Лера в моменте озабочены «грозящей катастрофой» — ещё чуть-чуть, ещё один удар нейролептический — и всё, нет больше мужа и брата! — и разрешением мысли очевидной — «как нам её избежать».

А для меня есть: чует вешнее, на пути нашем тернистом ждут нас ямы волчьи, засады разбойничьи да людишек лихих легион, и кто шлёт на нас стаи злейших гарпий⁵⁸ — губер или магнат? — вопрос не риторический, а весьма, весьма практический: не получив на него точного ответа, не поймёшь, «в какую сторону повернуть пулемётные тачанки»⁵⁹.

⁵⁵ — «Заказняк» (сленг) — в журналистике — формально объективная новость, статья, репортаж, де-факто подготовленная и опубликованная за деньги в интересах определённого заказчика.

⁵⁶ — См. роман Владимира Мишина «До последнего врага».

⁵⁷ — Фактура в журналистике — исходные данные и факты.

⁵⁸ — Гарпия — в древнегреческой мифологии — безобразная хищница, полуженщина-полуптица.

⁵⁹ — Цитата из трилогии А.Н.Толстого (1883—1945) «Хождение по мукам» (1920—1941).

На хаус вернулся вечером конягой загнанной, но с деньгой подъёмной, билетами в спаль- ный (меньшее зло: не взял бы — мир семейный тектоника чувств амазонки, словно изверже- ние Везувия, перемолола бы в пепел), амуницией, необходимой для дела благородного, хотя и криминального (бальзам на раны душевные Дины), и печалью тёмной.

Полный предчувствиями дурными, хотел было, собрав в кулак могучий волю и здравый смысл, изобразить пророка ветхозаветного, девонек вразумляющего, от новых бед отвраща- ющего, но где там: Лера с Диной всерьёз в поход собрались, мечи точат, на картах стрелы красные победоносные рисуют! Да уж, цугцванг⁶⁰ хренов: скажешь слово прозорливое, Дина в момент забьётся в рыданиях, меж завываниями наставит на мне тут и там клейма чёрные «Трус несчастный!», «Иуда московский!» и много чего прочего, сильно неблагозвучного, Лера слезу чистую уронит, схватится за голову, потом за животик... В общем, вместо консолида- ции-сосредоточения разброд и шатание в рядах ратных на радость врагам. Ладно, придержу здравый и волю стальную и не буду сегодня плевать против семейного ветра⁶¹...

Омыл прах бойких мест, вкусил, что Лера сочинила, усадил Дину за «клаву»⁶², сам улёгся на диван и велел валькирии стучать по клавишам откровения в высокие инстанции (Кремль, Лубянка⁶³, Охотный ряд⁶⁴ и далее по списку), осенившие светлую голову вождя.

Дина, настроившись на стремительный рукопашный в «заведении» Н-ском, взбрыкнула (признаю, не без резона):

— Зачем вся эта лабуда⁶⁵?! Даже если... Всё равно перешлют... губер и местным! Те Москву отписками лживыми отбомбят! (И в этом ты, воительница, права: безответственность хроническая развращает людей государевых по полной программе!)

Схватила Дина за сердце, скривилась (от боли душевной, надо полагать) и добавила хрипло:

— Ты же понимаешь, что в воскресенье... И тогда поздно будет правду искать! — И ожгла, словно изменника, взглядом свирепым. В общем, назначила меня на роль змеюки, на семейной груди пригретой.

Не возроптал я на спич воительницы, зевнул сладко, потянулся котиком ласковым, изрёк мягко, но безапелляционно:

— Права, во всём ты права, Динуля! «Губер и сыновья» — если это они, а не кто-то другой, ну хоть твой магнат-работодатель (зерно брошено, буду ждать всходов!) — ход сделали умный и хитрый! Я, пока по столице носился, всё размышлял, почему психушка, а не, скажем, маузер, дорожно-транспортное или, на худой конец, каземат? (Напряглись девоньки — вот и славно!) На вокзале посетило откровение: жур в психушке и статью крамольную дезавуирует — текст компроматный написан неадекватом, его словесам веры нет! — и с фармы губернской обвинение тяжкое снимает, и козыри предвыборные магната, «Волгарём»... — Задумался на миг: точный глагол — состряпаны, мягкий вариант — сочинены, но нельзя близко к истине — поранят слова прямые, как ни адвокатируй, в Ники летящие, сердца девонек — и выбрал эвфемизм туманный. — ...изложенные, бьёт наотмашь. А если что в воскресенье... — Взял паузу — подтекст сущностный девоньки сами досочиняют: — Так губер ни при чём: непред- виденная, понимаешь, реакция на инъекцию препарата заморского, дорожущего — для электро- рата ничего не жаль! — конкретного неадекватного индивида. Форс-мажоры — они, сограж- дане, и в медицине обстоятельства непреодолимой силы!

⁶⁰ — Цугцванг (шахм.) — положение в партии, когда любой ход ведёт к ухудшению позиции сделавшего его игрока.

⁶¹ — «Берегись плевать против ветра!» — Фридрих Ницше (1844—1900), «Так говорил Заратустра» (1883).

⁶² — «Клава» (сленг.) — клавиатура персонального компьютера.

⁶³ — Лубянка (разг.) — штаб-квартира ФСБ (Москва, Лубянская площадь, 2).

⁶⁴ — Охотный ряд — Государственная дума России (Москва, ул. Охотный ряд, 1).

⁶⁵ — Лабуда (разг.) — нечто несущественное, негодное, неинтересное.

Сосчитал до семи и, глашатай и вития, выдал на перспективу:

— Считайте, мои хорошие, что мейлы-факсы в инстанции — это наше почти железное алиби! Дескать, рассчитывали на мудрую, справедливую, всенародную, о человеке простом радеющую власть, и ни о чём криминальном у нас даже в фантазиях не было!

А Лера задумалась, носик погладила и вопросы сродственнице (они же подсказки к моим размышлениям резонные) в эфир семейный выдала:

— Скажи, Дина, когда брата на улице скрутили, были «скорая» и милиция или только мундиры синие? А свидетели в окнах домов соседних — хотя бы одного правоохранители нашли? Что за девица, на которую Коля якобы накинута? Где она сейчас? Какой диагноз предварительный брату поставили? Когда консилиум? В истории болезни (скривилась брезгливо любимая) близкая к комоподобной реакция Ники на инъекцию записана?

Дина растерялась, ни на один резонный не ответила (чем же ты, валькирия, в Н. занималась, если элементарные вопросы в ступор тебя вгоняют?!). А я изречённое Лерой записал — хорошие вопросы, правильные, путь к истине освещающие.

А как ушли заявы, подписанные, естественно, Диной, мейлами-факсами адресатам, тему — для успокоения девонек — резко сменил:

— А теперь давай, Динуля, займёмся топографией: рисуй, как можешь, план «гнезда», палаты, в которую Ники поместили, подходы к ней и отходы, помечай, где его койка. — Взял паузу глубокомысленную, изрёк — с мягкой критикой амазонки за скверную подготовку к штурму «гнезда»: — Ах, да, извини — до лежанки белохалатники тебя не допустили... Ладно, о койке забудь, вспомни местность, по которой нам к психушке ночью топать, изобрази-опиши поподробнее!

Я, понятное дело, от авантюры Н-ской намерен отбиваться до последней возможности, но лёгкое моё лукавство, имитирующее бурную «освободительную борьбу», фратрии нашей пойдёт, надеюсь, во благо.

На Павелецкий прикатали за час до отхода поезда, выбрались из таксо и затопали на платформу. Дина первым номером тащила баул с нашими вещами, Лера бережно несла животики, я в арьергарде стучал колёсиками чема⁶⁶ и изображал Чайльд-Гарольда⁶⁷ (для камуфляжа сущностного, до поры до времени скрываемого, маска идеальная).

Мотов, возжелавших прокатиться в СВ, было раз-два, ну и наш десант, так что на входе в вагон не задержались; в одном купе расположил девонек, сам разбил стойбище в соседнем. За пару минут до прощального гудка явился, правда, попутчиком пухлый чел: улыбка дежурная, трёп дорожный, верность традициям железная — замками кейса щёлкнул и давай метать на стол коньяк и закусь.

От рюмашки «за знакомство» я, естественно, уклонился (не то чтобы опасался клофелина⁶⁸ в «Камю» — просто чту протокол безопасности на «железке») и отправился в купе к милым спутницам (благодарности Леры доверяю, но личный контроль за ситуацией не помешает).

Через час вернулся — вместе с Диной: может, признает в попутчике волкодава-засланца из стаи губера? Или из шайки магната. Или полезного нейтрала, с которым можно и визитками обменяться.

⁶⁶ — Чем (сленг.) — чемодан.

⁶⁷ — Аллюзия на поэму Джорджа Г. Байрона (1788—1824) «Паломничество Чайльд-Гарольда» (1818); в мировой литературе Чайльд-Гарольд — эталон романтического героя.

⁶⁸ — Клофелин — гипотензивный препарат, используемый преступниками для резкого снижения у жертвы артериального давления, приводящего к потере сознания.

Пухлый чел успел вкусить, чем кейс порадовал, облачиться в нечто пижамное, прочитывать десяток-другой страниц из чтива дорожного (Милан Кундера⁶⁹, «Невыносимая лёгкость бытия» — ну что ж, тема для зауми⁷⁰ высоколобой заявлена и знакомство, считай, гарантировано) и к нашему явлению уже, смежив вежды, сладко посапывал («Камю», он такой, к дрёме располагающий...)

Дина — девушка периодами деликатная, левую ножку через порог перенесла, чела дремотного узрела — и в разведку идти не решилась, но я был суров и непреклонен. Да и сосед пухленький дрёму легко смахнул, простынку откинул, в сидячее перешёл — в общем, хлеб-соль, гип-гип и троекратное лобызание (фантазийное, конечно).

На соседе рубашка с рукавом коротким, шрам (похоже, от ранения пулевого) на предплечье правом глаз цепкий ухватил мигом, а журы народ очень даже любопытный, так что давай, Динуля, не переминайся бедной родственницей на пороге барском!

Через пять минут мы с Петром Петровичем от избытка симпатий чуть не лобызались, Дина сидела рядом и играла массовку (молчала, хмурилась, кривила ротик, ну и ладно).

На шестой минуте я погладил Кундеру, Петрович пас принял, нахмурился, молвил со значением:

— Читали?

Я изобразил игрой лица витиеватый, но суровый ответ, Петрович кивком явил конгенуальность⁷¹ и зло зачастил (видно, накопело у человека, а тут «Камю» в крови и слушатели вроде адекватные):

— Нет, вы мне скажите, у него (указательный — штыком — в Кундеру) совесть есть?! Со страницы на страницу — русские танки, русская солдатня, русская империя! Гусеницами по милым интеллигентным чехам, по «Пражской весне», «по социализму с человеческим лицом»! Вот, — положил ладонь на шрам, — память по интеллигентным, по «весне», по «гуманистам-человеколюбцам»!

— Пётр Петрович, вы были в Праге в шестьдесят восьмом⁷²?! — восхитился я (можно было и не колебать воздух, ветеран и так собрался в летописцы Несторы⁷³, но, как советовал классик, лесть — она как смазка, телеге не помешает).

— Нам дали приказ — мы его выполнили! — сверкнув очами (есть ещё порох в пороховницах ветеранских!), отчеканил Петрович, но лапидарность Древней Спарты меня не удовлетворила, а подробности (частные, через призму судьбы) 22 августа 1968-го (пять часов вечера по пражскому времени) оказались крайне любопытны.

Петрович (23 года, лейтенант, замполит роты десантуры) мчал на «газике»⁷⁴ (открытый, без тента) в штаб полка. Улица почти в центре города, «в Праге всё спокойно», разве что хмурые чехи кучками вдоль домов бродят да кулачками вослед вездеходу машут; Петрович справа от водителя, во втором ряду сержант рослый, могучий, насупленный, до штаба два поворота, считай, доехали — и тут за спиной автомат пролаял одну очередь, вторую. Ударил пуля замполита в правое предплечье, сознание помутила, дальше — как в дурном сне. Или на рваной плёнке немого кино: кровь на лобовом стекле, водитель, мальчонка из Смоленска, лбом в руль ткнулся, «газик» юрк влево и в столб фонарный... Во времени и пространстве Петрович сориентировался уже на брусчатке пражской: спиной привалился лейтенант к колесу, вроде

⁶⁹ — Милан Кундера (1929—2023) — чешский писатель.

⁷⁰ — Заумь — абсурд, бессмыслица, набор пустых слов.

⁷¹ — Конгенуальный — сходный, близкий по образу мыслей, убеждениям.

⁷² — В ночь на 21 августа 1968 года в Чехословакию были введены войска пяти стран Варшавского Договора: СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши.

⁷³ — Нестор Летописец (1056—1114) — монах Киево-Печерского монастыря, древнерусский агиограф.

⁷⁴ — «Газик» (разг.) — внедорожник ГАЗ-69.

прикрыт корпусом вездехода, по железу стук частый, справа сержант (оскал волчий, руки в крови...) на колено припал, ствол АК-47⁷⁵ вверх борта выставил.

Через минуту-другую сообразил Петрович: из кресла гибельного, расстрельного, словно котёнка беспомощного, вырвал замполит сержант, перебросил в зону мёртвую, для пуль недоступную, рукав гимнастёрки разорвал, руку простреленную перебинтовал, дальше по уставу — готов биться десантник до последнего патрона. А ты, замполит, за каким... разлёгся, ругнулся на немощь свою Петрович и потянулся левой рукой к кобуре на боку правом. Да неловко вышло, видно нерв придавил на простреленной — и ударила боль, и потерял сознание лейтенант.

Очнулся сидящим на ступени вездехода, лицом к дому (с трудом сообразил: из него, с этажа верхнего, автомат ударил), рядом сержант стоит, за плечо придерживает, а вокруг форма какая-то странная и речь лающая. Ужаснулся Петрович (подсознание ножку подставило, ну и память генетическая): «Немцы!», потом на землю вернулся: «Союзники! Камрады!». Тут к нему офицер (высок, строен, белокур — истинный ариец) шагнул, представился, одно только слово, в фильмах про войну слышанное, и разобрал замполит — гауптман (капитан, стал быть).

Отошёл офицер, а сержант наклонился и объяснил: услышали на перекрёстке камрады (полувзвод связи на грузовике) выстрелы, свернули, примчались, из беды выручили, сейчас стрелка ищут.

Сидит Петрович на ступени «газика», словно в первом ряду партера, за действием, на его глазах разворачивающимся, наблюдает. В голове туман, в членах слабость, но суть ясна: пробежались камрады по подъездам-квартирам, чехов пригнали, на тротуаре построили, детишек и женщин — налево, парней — направо, гауптман перед толковищем встал, сказал ахтунг⁷⁶, а потом ещё что-то.

Чешки митинговать надумали, потомки таборитов⁷⁷ насупились, гауптман рукой махнул, два камрада первого в ряду крамольников из строя вырвали, к капитану приволокли, на колени, лицом к толпе пражской, поставили. Гауптман из кобуры пистолет вытащил, затвором клацнул, дуло к затылку на коленках заелозившего приставил, отсчёт начал. На «драй»⁷⁸ «таборит» правую руку выкинул и в субтильного в очках указательным ткнул. Субтильный дёрнулся, к стене дома отпрянул, залопотал что-то, два камрада его под локотки взяли и к гауптману подвели, на колени поставили, а отделение вместе с «таборитом» разговорчивым в дом ринулось.

Минут через десять вернулись: у фельдфебеля⁷⁹ в руках шмайсер⁸⁰, два магазина и кулёк бумажный. Понюхал гауптман ствол, кулёк развернул, гильзы стреляные на брусчатку высыпал (стрелок, бестия, видно, отстреляв магазин, собрал латунь с паркета и припрятал), сказал «гуд»⁸¹, извлёк из кобуры пистолет — и вогнал «табориту» субтильному пулю в затылок.

Чехи заголосили, овцами к стене дома прижались, гауптман «таборитам» короткую речь сказал, шмайсер и субтильного камрады закинули в кузов грузовика, тут из штаба полка БТР с медициной прикатил. Гауптман Петровичу честь отдал — и помчались камрады по делам.

— А этот, — ткнул Петрович в обложку, — о немцах, венграх, болгарях, поляках — они же с нами в Чехословакию вошли! — ни полслова⁸², все абзацы у него — о русской орде! Тьфу! — и забросил, мне показалось, с безгливостью, «Лёгкость бытия» на багажную полку.

⁷⁵ — АК-47 — советский автомат, разработанный конструктором Михаилом Калашниковым (1919—2013); разг., соотнесенное со всеми последующими моделями — «калаш».

⁷⁶ — Ахтунг (нем. Achtung) — внимание.

⁷⁷ — Табориты — радикальное крыло реформаторского религиозного движения в Чехии (гуситов).

⁷⁸ — Драй (от нем. Drei) — три.

⁷⁹ — Фельдфебель — соответствует званию старшего сержанта в Советской Армии.

⁸⁰ — Шмайсер — немецкий автомат MP-40 (разработан в 1938 году).

⁸¹ — Гуд (от нем. gut) — хорошо.

⁸² — Армии Польши, Венгрии, ГДР и Болгарии, участвовавшие в операции «Дунай» в Чехословакии в 1968 году, в худо-

— Расстрелять человека без суда и следствия?! Да это незаконно! — ударил вдруг из Дины пацифистский фонтанчик, я вздохнул и бормотнул адвокатом:

— Девушка в стрессе — нервы-с!

Петрович нахмурился, кинул на Дину взгляд быстрый и холодный, шрам погладил, изобразил философа:

— Мы чехов, крови своей не жалея, в 1945-м освободили, нефтью-газом по ценам бросовым задарили, а они нас вторым сортом числят! А немцев боятся, ох как боятся! И блеют перед ними, высшей расой, как овцы! Делайте выводы, молодые люди!

— «Танки идут по Праге, танки идут по правде!»⁸³ — брякнула вдруг Дина (да-а, с нервами, да и разумом, у девушки точно проблемы — с таким союзником на дело серьёзное лучше не ходить — но других-то нет! Похоже, влипли мы с Лерой капитально! Воистину враги человеку домашние его⁸⁴!).

— А-а, этот! — безглаголиво обронил бывший замполит роты. — Мы вошли в Прагу, потому что любая система обязана себя защищать! Любая! Что амёба, что государство, тем более великое!

Достал Петрович из кейса блокнот, пролистал, нашёл, что нужно, в декламацию ушёл:

— «Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает всё население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица»⁸⁵. Это — мудрец Макиавелли, а не какой-то там (безглаголиво поморщился замполит роты), прости, Господи, «лидер общественного мнения»!

Пар из перегретого котла надо выпускать, решил я, приобнял Дину и мягко бормотнул:

— Сходи, дорогуша, узнай, как там Лера, может, помощь твоя требуется?

Когда союзницу гневную вихрем вынесло из купе, развёл руками и покаялся перед замполитом:

— Вы её простите, Пётр Петрович: большое у человека горе, да, большое, — и минут за десять пояснил, что, где и когда, а потом с час помучил попутчика игрой в вопросы-ответы о нравах Н-ских.

Петрович оказался юрисконсульт, историю про капсулу от фармы губера в «Волгаре» читал, о том, что было с Ники дальше, не слышал (странно, а Дина уверяла, что Н. слухами полнится и бурлит Везувием проснувшимся — наверное, масштабы личной драмы раздула до вселенского пузыря?), дал мне визитку и разрешил, если что, обращаться за советом-помощью.

Я мгновение удачное поймал и попросил смиренно юрисконсульта напрямь связи и уточнить, Ники повязали со «скорой» или без, и имена фигурантов (девицы, которую сродственник вроде как собрался аккуратно на улице девственности лишить, ну и великолепного опера-спасителя, оказавшегося по случаю рядом) хорошо бы узнать. Петрович нахмурился, но пообещал «чем смогу».

Утром в четверг прикатили в Н., помахали Петровичу и с вокзала на таксо понеслись в стойбище Дины («двушка», доставшаяся девушке в наследство от папы-мамы — погибли, бедные, два года назад в автокатастрофе. Ещё один знак беды, мелькнуло откровение, не слишком ли их много вокруг нас?).

Дина требовала немедленного рейда в психушку, но мудрый вождь (это я о себе) решил сначала «подтянуть тылы» (азбука любого наступления). И мы минус Лера, побросав амуни-

жественном пространстве романа М. Кундера «Невыносимая лёгкость бытия» действительно отсутствуют.

⁸³ — «Танки идут по Праге» — стихотворение (1968) советского и российского поэта Евгения Евтушенко (1932—2017).

⁸⁴ — Библия, Ветхий Завет, Книга пророка Михея, гл. 7, ст. 6.

⁸⁵ — Цитата из трактата «Государь» (1532) итальянского мыслителя, философа, писателя, политического деятеля Никколо Макиавелли (1469—1527).

цию, быстренько пробежались по маркетам (солонина в бочках, сухари в мешках и петухи в клетках — что ещё нужно храбрым мореходам и хрупкой каравелле, отправляющимся на рандеву к Сцилле и Харибде⁸⁶?) и книжным: без карт города и области опытные бойцы, дерзко вклиниваясь в серьёзную игру крутых вигов⁸⁷ — увы, мы затеяли переход ох скольких красных линий⁸⁸! — путь к победе не начинают.

После трапезы я сочинял планы, строил схемы и вдалбливал девонькам ценные указания; Дина слушала, сжимала кулаки и стирала зубки; наконец, в начале третьего часа, я приказал «легиону»⁸⁹ выступить из лагеря.

⁸⁶ — Сцилла и Харибда — морские чудовища (древнегреческая мифология).

⁸⁷ ВИП (от англ. Very Important Person — особо важная персона) — имеющий высокие привилегии из-за богатства или положения.

⁸⁸ — Красная линия (от англ. red line) — черта, которую нельзя пересекать.

⁸⁹ — Легион — основная организационная единица в Древнем Риме (2000—10000 пехотинцев и несколько сотен всадников).

Глава 2. Разведка боем

Приём посетителей в богоугодном официально начинается в пять вечера, «на место» зелёный «жигуль» (драндулету тридцатник, но пока на ходу) Дины подкатил в три с четвертью, на развилке я велел тормозить, выходить на обочину и изучать топографию.

Грубая схема, изображённая Диной в Москве, реалиям соответствует: метрах в десяти от развилки — два этажа ДПС⁹⁰, основное шоссе уходит вправо, прямо — дорога (длиною метров сто) к больнице, и короткий отрезок налево — к городскому погосту.

Дина права: в полночь к психушке на фамильном авто подъедешь — дэпээсники останавливают, проверят документы (засветка полная!), зададут бестактный: на кого это вы, голуби, в полночный час нацелились? А если, ленивые, на шоссе и не выйдут, видеокамера дэпээсная один чёрт номер «жигуля» запишет. Ну и на площадке перед заведением «жигуль» и пассажиры сначала в фокус видеокамеры, на воротах «гнезда» вороной висящей, попадут, потом сержант пост привратный покинет и рявкнет в спину храбрецам: «Стой, кто к психушке подбирается?!» Можно, конечно, проехать по шоссе и метров через сто (или двести, неважно) десантироваться. Авто при таком манёвре криминально не засветится (хотя тень подозрения, зафиксированная дэпээсной камерой, на владельца ляжет), но обратный пеший рейд к заведению всё равно чреват неудачей: степь, сияние лунное, фонари вдоль обочины и авто (пусть и редкие) на трассе. Да и две-три сотни метров по пересечённой с грузом неподъёмным (лодка резиновая, кресло инвалидное, лестница и прочие мелочи ещё на десяток кэгэ) если и осилим, на подвиги безумные в психушке (плюс после заведения) энергии и куражу точно не останется. Опять же дэпээсники в окошко могут поглазеть и узреть наш маленький, но подозрительный, крадущийся к «гнезду», отряд. Вариант фантазийный — угнать тачку «скорую» или милицескую и под этим камуфляжем прикатить к заведению — хорош для фильма кассовой, а не для прозы житейской. Да и кто — и откуда? — угонять будет? Я по угонам не мастак, а кроме меня больше некому. Опять же белые или синие в набат ударят, планы перехватческие объявят. Получается, Дина права: единственная подходящая для задуманного рейда дорожка к «гнезду» лежит через погост (тьфу-тьфу, изыди, символ!) — в обход камер дэпээсных, без загогулин степных марафонных, с последующим отходом к берегу Волги и регатой вниз по реке.

Про себя чертыхнулся, в эфир выдал мягко: вперёд, девоньки, осмотрим кладбищенский плацдарм! Визит наш мотивирован — отдаём дань памяти дорогим усопшим, так что камера дэпээсная, которая нас, поди, уже срисовала, печаль приемлемая.

На закатанной в асфальт площадке перед въездом на погост нераспроданные цветы собирала последняя пара губернских коммерсанток, я выбрал (надеюсь, не ошибся) самую говорливую, скупил, не торгуясь, у потенциального информатора все оставшиеся гвоздики (рада, рада, ещё как!), посетовал на жару, посочувствовал труженице («Целый день под солнцем — тяжело, да, тяжело!»), явил лёгкое вольнодумство («Эх, власть губернская! Могла бы навес поставить, прикрыть тружеников от солнца, ну и дождя!») и задал — мимоходом, естественно — вопрос важный:

— Неужели вы здесь... в любую погоду... и до самого закрытия? До шести, кажется, часов?

— Ну что ты, милоч! — довольная гешефтом⁹¹, выдала инфо словоохотливая. — Народ — он с утра на могилки-то ходит, это вы, молодёжь, люди занятые! — Хотела, видно, цапнуть словом острым, но, молодец, о закате астрономическом не вспомнила, ограничилась философическим: — Хорошо, что не забываете...

⁹⁰ — ДПС — дорожно-постовая служба.

⁹¹ — Гешефт — выгодная сделка, барыш.

Кинула взгляд на «жигуль», пересчитала цепким прищуром девонек, посоветовала:

— Не задерживайтесь, милок: кроме вас, на погосте никого, да и вы, считай, сегодня последние. В выходные — или на праздники, тогда другое дело!

— А охрана в сторожке? Неужто ворота до шести закроет? — вопрос задал ленивый (по форме) и самый-самый по существу.

— Зимой и того раньше! А летом, в августе, долг сполнят!

«Долг» — это приемлемо, теперь — дань памяти (замотивируем визит) — и к оврагу: Дина сложность трюка могла недооценить, а мне такая роскошь непозволительна. Предлагает амазонка дожидаться на кладбище — где-нибудь под кустом среди могил (как она это себе представляет?! А никак! Одни словеса вроде бы правильные, но, увы, смысла практического лишённые.) — полуночи, а как пробыёт двенадцать, форсировать овраг спуском-подъёмом по склонам. Далее, выбравшись — от камер ДПС подальше — на плацдарм, бодренькой трусцой в лесок, ну а там бегом-бегом меж флоры листопадной к забору психушки: взлетели, приземлились, далее сплошные подвиги, утром в дело впрягутся милицейские, но об этом лучше не надо...

Дина раскладывала на надгробьях родительских цветы, Лера присела на лавочку, я крутил головой, изучал и прикидывал. Народ на могилах — в пределах видимости — действительно отсутствовал. Это хорошая новость: свидетелей, печали несущих, вроде — если решимся побезумствовать — на погосте в день X быть не должно. А те двое, что идут по аллее слева и ещё двое справа (бредут от ворот?), похоже, не скорбящие родственники, а, шепчет вещее, казус белли⁹². (Леваки со стороны оврага — отличный мотив для вопроса резонного: как вы, скитальцы, там оказались? Притопали заранее? Или пожаловали от забора, обращённого к больнице?.. Если так, инфо важное — знать, в стене кладбищенской брешь пробита... Или калитка имеется?.. Или перемахнули через кладку десятиборцами великолепными? Но если у типов получилось, знать, и мы сможем... Тогда и овраг форсировать нужды нет... Как же ты, валькирюшка, деталь сию важную, наш вояж ночной упрощающую, упустила?!)

Шальная, навскидку, мысль: явление типов — злой привет от губера (или магната?), мне не понравилась. Вторая — как строка в таблице умножения (разбуди ночью, не ошибусь, дам ответ быстрый и точный): из ограды, в клетку нас запирающей (манёвр ограниченный — беда!), надо срочно выходить, кидаться в «жигуль» и давить, от эксцессов подальше, на газ. Отступление быстрое, конечно, наши кладбищенские планы рушит — разведка не удалась. Хотя, если покатаем к оврагу и от «квартета» нежданного оторвёмся, я секунд на десять на дорогу, пожалуй, всё же выскочу и диспозицию⁹³ оценю.

— К нам непрошеные «гости»: быстро, девоньки, в авто! — команда чёткая, Дина, не тратя время-силы на слова пустые-никчёмные (вариантов бла-бла не счесть, навскидку: «Почему паника?! Откуда страх?! Народ пришёл скорбеть, а не зло творить! Пока не сотворю молитву за упокой, шага не сделаю!»), помогла Лере подняться со скамьи, а я уже на аллее — стою, прикидываю, успеем ли добраться до «жигуля» раньше типов и выйти из клинча⁹⁴ нежданного, или...

Те, что слева, метрах в полста, неторопливы, но, взявшись за руки, аллею перекроют — если нервы у типов крепкие, «конём железным» их не испугаешь, а таранить среди бела дня балбесов тишайших тачкой нельзя — сие чистая немотивированная уголовщина.

Зато те, что справа, бодрячки-дурачки, уже метрах в десяти; рубашки с рукавами короткими, наколки от локтя до кисти глаз режут, коротышка вдруг спустил брючишки (тихоходом стал — ну и славно) и явил фаллос активированный.

⁹² — Казус белли (лат. casus belli) — повод к войне.

⁹³ — Диспозиция — в военном деле — план размещения войск на поле боя.

⁹⁴ — Клинч (от англ. clinch) — в спорте — «связывание рук» соперника.

Инстинкт мой просто молодец! Только штанцы дурачка вниз пошли, я из сумки своей походной, на пузике скачущей, видеокамеру (цифровая, чудо, хотя и дорогущее) вытянул-включил, Дине передал, тут коротышка и заржал (микрофон чувствительный, словеса мерзкие должен ухватить-записать):

— Слышь, Бык, ты когда-нибудь трахал брюхатую? Нет?! И я нет! А давай попробуем!

Мурашки на меня стаей накнулись (страх — нормальная реакция, инстинктом базальным запущенная), однако ж улыбнулся я Лере (любимая, солдатик мой храбрый, ручки на животике скрестила, к сексуалам кладбищенским — безгливость и презрение, стоит скалой, во мне не сомневается), решил, что затевать «переговорный процесс» не буду: смысла — ноль, не с оливковой ветвью пожаловали по наши души упыри⁹⁵. Зачем, пока не ведаю, но узнать очень хочется. А ударю-ка я лучше, мелькнула мыслишка здравая (от страха и безысходности, вестимо), сразу из всех стволов. В арсенале — газовый баллончик, электрошокер и пневматический ПМ⁹⁶, рук у меня две, ладно, не из всех — для начала обойдусь парочкой.

Вторая сволочь, он же Бык — крепкая, рослая, в общем, силовое прикрытие фаллостника, — пиво из горла допил, бутыль об ограду хлопнул, «розочку»⁹⁷ на меня наставил и пошёл танком:

— Слышь ты, г..но, интеллигенция с... ная, отвали в сторону, тогда, может, и дадим тебе поглазеть, как бабу твою на пару поимеем! — и дальше ненорматив отборный, грязный. (Попытка устрашения-деморализации противника логосной агрессией — ладно, упыри, по этому пункту будет вам отдельный счёт!)

— Дина, фокус на коротышку! — взревел я режиссёром-корифеем, боковым взором ухватил поворот камеры вправо (а ручишки-то у валькирии трясутся, да-а, перепугался комиссар в юбке...), прыгнул влево, потом ещё и ещё; пока скакал кенгуру по аллее, с чистой совестью выхватил (лихим ковбоем — Крис⁹⁸ в восхищении!) пневматик и пульнул навскидку⁹⁹ три раза в громилу. Целил в лоб, а куда попал, уже не важно.

Закон подобные экзерсисы¹⁰⁰ в «жизненно важные» не рекомендует¹⁰¹, а если попадёшь весомо-капитально, с кровопусканием или в глаз, сам, по велению Уголовного кодекса, и сядешь за нанесение тяжкого вреда здоровью упыря, но ситуация обязывает. Дистанция выстрела — не более полутора метров, от трёх попаданий горилла кровью брызнула, прыть утратила, рот приоткрыла, я в уязвимое струю из баллончика, благо ветерок мне в спину, и пустил щедро. Громила закашлялся, я мигом пневматик сменил на электрошокер — прыг-скок за спину Быка и разряд в шею (на три секунды — никакой самостоятельности, всё по инструкции), следом — для закрепления нужного результата — ещё один на пару секунд.

Горилла качнулась, коленки подогнула, я пинка крепкого в седалище¹⁰² добавил — и упырь хлоп мордой в пыль дорог.

Фаллостник на экзекуцию¹⁰³, учинённую подельнику, смотрел тупо, растерянно (не ожидал от «ботана»¹⁰⁴ прыти и дерзости, не ожидал!). Наконец кое-что сообразил и потянул

⁹⁵ — Упирь — в славянской мифологии — неупокоенный мертвец, убивающий людей и сосущий из них кровь.

⁹⁶ — Пневматический ПМ — пневматический пистолет Макарова.

⁹⁷ — «Розочка» — горлышко разбитой бутылки с острыми краями, импровизированное оружие.

⁹⁸ — Крис Адамс — персонаж вестерна «Великолепная семёрка» (1960) в исполнении Юла Бриннера (Юлий Борисович Бриннер, американский актёр русского происхождения).

⁹⁹ — Навскидку — о стрельбе из оружия: сразу, не целясь.

¹⁰⁰ — Экзерсис (книжн.) — упражнение, тренировка.

¹⁰¹ — С точки зрения УК РФ, такой выстрел в голову квалифицируется как нанесение телесных повреждений средней или тяжелой степени тяжести, либо как покушение на убийство (в зависимости от умысла). Нападающему грозит реальный уголовный срок по статьям УК РФ (ст. 111, ст. 112 или ст. 105 через ст. 30).

¹⁰² — Седалище (спец.) — ягодицы.

¹⁰³ — Экзекуция (книжн. устар.) — телесное наказание.

¹⁰⁴ — «Ботаник», «ботан» (сленг.) — стереотипный образ студента, занимающегося учёбой в ущерб личной жизни, не

штанцы вверх, да поздно: я Дине приказ строгий выдал, чтобы фокус на вторую пару пришельцев перевела, зафиксировала подельников, ну а потом моя правая ударная в пах пакостника врезала так, что я сам охнул и схватился за голеностоп.

Вторая пара побоище углядела (быстро я обернулся, семи секунд не прошло), посовещалась, развернулась — и трусцой от избиения подальше аллеей туда, откуда пришли.

Камеру у Дины я забрал, выключил, в сумку пихнул, у гориллы из брюк вытянул ремень, стянул кисти (за спиной, всё по инструкции), второй ремешок — для конечностей задних — позаимствовал у фаллостника. Лежит дурачок у моих ног, стонет жалостливо, изображает страдания адовы, намекает на милосердие.

Обыскал упыря быстренько — ничего пикантного, разве что в кармане штанцев конвалюта¹⁰⁵ виагры¹⁰⁶ без двух таблеток (теперь понятно, откуда столь прыткий фаллос явился) и три сотни баксов (купюры новенькие, хрустящие, надо полагать, аванс заказчика за услуги кладбищенские), потом Быку (у этого барсетка¹⁰⁷ на боку) шмон¹⁰⁸ устроил.

И этот на дело режущих-колющих не прихватил — видно, кто-то балбесам инструкции выдал строгие, чтобы, стал быть, акция прошла без кровопролития: ребус подкинут хитрый, сразу не отгадаешь... Но три хрустящие зелёные купюры, скотч (меня, что ли, вязать, а потом на моих глазах Леру насиловать?!) и виагру нашёл и изъял. А теперь допрос — быстрый (времени мало, чертовски мало!) и строгий (ситуация обязывает).

Похлопал фаллостника по обвислым, в чувство привёл, обрадовал откровением:

— Значится так, сластолюбец хренов, за попытку изнасилования беременной получишь ты пятнашку строгого режима, за изготовление и сбыт фальшивых долларов, — помахал перед носом уркагана¹⁰⁹ «зелёными», — срок тебе добавят. Но я, так уж и быть, буду добреньким: смотри, компромат твой «зелёный» в атмосферу дымком уходит образом наилучшим. — Пока спич держал, купюрки — все шесть — запалил, как огонёк к пальцам подобрался, бросил баксы обгорелые на землю, урка глаза безумные округлил, но от глупостей вербальных воздержался. — В колонии с такими, как ты, уродами, сидельцы тамошние, сам знаешь, не церемонятся. Но я, может быть, буду милосерден — в обмен на трёп твой признательный. Уразумел?

Фаллостник изобразил страдания члена своего побитого, слезу пустил жалостливую, игру затеял глупую:

— Не лепи горбатого¹¹⁰ — никто твою бабу не трогал! Это ты, ты нас... Братве ответишь!.. Вали, короче, из города, пока цел! — и завыл жертвой невинной. В отказ пошёл, стал быть. Ну и время заодно тянет: рассчитывает, видно, что двое подельников сбежавших позвонят-сообщат закулисе (хорошо бы узнать имя пахана и его ресурс), и этот кто-то из беды урок, солнце не успеет закатиться, вытащит. Так оно или не очень, проверять не буду: место гиблое покидать надо с поспешностью. Терпеть не могу играть в цейтноте и вторым темпом, а придётся! Но Быка лучше стреножить поосновательнее — скотча для меня урки запасли немеряно, не пропадать же добру? А фаллостника сей момент допросить — третью степень¹¹¹, пожалуй, не выдержит, расколется.

Стянул скотчем конечности коротышки, проверил надёжность уз, удовлетворился, шокем воздух озонировал, изобразил средство пыточное, разговор начал мягко, отцом-иезуитом:

имеющего развитых социальных навыков.

¹⁰⁵ — Тип упаковки в виде бумажной или пластиковой матрицы с ячейками.

¹⁰⁶ — Виагра — препарат для лечения эректильной дисфункции.

¹⁰⁷ — Барсетка — небольшая мужская сумка, носится в руках или на ремне.

¹⁰⁸ — Шмон (крим. жарг.) — обыск.

¹⁰⁹ — Урка, уркаган (крим. жарг.) — вор, бандит.

¹¹⁰ — Не лепи горбатого (угол.) — лгать, изворачиваться, говорить неправду.

¹¹¹ — Допрос третьей степени — проводится с использованием физического и психологического воздействия.

— Отвечай, мученик, кто вас по наши души послал и с каким заданием? Попробуешь уйти в отказ, я на твой член поганый всю батарею шокера истрачу! А знаешь, чем тебе это грозит?! Если не сдохнешь от болевого шока, на всю оставшуюся жизнь останешься импотентом! Ну что, будем пробовать или заговоришь по-доброму?

Фаллостник завёл было второй куплет про братву мстительную, я пожал плечами и ткнул шокер в место заветное, виагрой активированное, отсчёт начал обратный:

— Три, два...

Взвыл дурачина:

— Я не знаю, не знаю! Бык договаривался! В такси сели, приехали на кладбище! Никого трахать не хотели, только припугнуть! Убери, убери, не надо! — и заскулил псом побитым.

Так я твоим слезам крокодиловым и поверил, урка поганый! Но шокер убрал, спросил, на точность ответа, впрочем, не рассчитывая:

— Этот, с кем договаривались, из ваших или... из ментов? — задал вкрадчиво, чистоты допроса ради, безнадежный.

— Не знаю, не видел! — захныкал фаллостник. — Спроси у Быка! Он на стрелке¹¹² был, он!

— Ну-у, Бык уже вряд ли что скажет... — молвил многозначительно, дал фаллостнику секунд пять на осмысление реченного, спросил строго:

— Те двое, что подбирались к нам с фланга, а как увидели разгром подельников, позорно бежали, зашли на кладбище через калитку в заборе, так?

— Ну, так... — захныкал урка. — А что, что с Быком сделал? Замочил, да?! — напуган дурачок доверчивый, и хорошо.

Заклеил скотчем рот фаллостный, расстегнул пуговицы на рубашке упыря, перевернул урку на живот, стянул красный верх, набросил на головёнку мычащую — бойся теперь и трепещи! Затребовал у Дины три листа бумаги (в кейсе в «жигуле» — без арсенала канцелярского на дело не ходим!), на одном начертал крупно фломастером красным: «Преступники! Насильники! Не освобождать!», и приклеил послание лентой липкой на спину коротышки. Два других пустил на дактилоскопию — прокатал по бумаге пальцы Быка и фаллостника — забава, конечно, детская, но хоть какая-то страховка (если сбегут упыри с погоста) на идентификацию персон кладбищенских по базе милицейской. Ну а теперь всем легионом бегом в «жигуль»!

Дина — бледная, испуганная, инструкции мои строгие выполнила безропотно: изображать Шумахера¹¹³ не стала, остороженько поехала по аллее до границы естественной кладбищенской (овраг, идёт от берега Волги перпендикуляром длиною в пару сотен метров в сторону психушки, отрезает погост от рощицы или леска, а может, даже леса — масштабы кустей зелёных, широколиственных, взору моему недоступны).

Остановилась на повороте, я катапультировался, рекогносцировку провёл (метнул камень в склон овражий, грунт легкомысленный и обвалился широко, мощно), план Дины по форсированию преграды естественной окончательно похоронил и быстренько в «жигуль» вернулся. Увы, явил разрез овражий грунт сыпучий, на оползни падкий: даже если и спустимся чудо-богатырями на дно благополучно, без обвала, в чём сомнения большущие, выбраться из ловушки один чёрт не сможем, так и останемся в западне до утра, пока МЧС¹¹⁴ вертолётom не вытащит. На вопрос немой девонек отвечать не стал, велел ехать к воротам погоста по аллее, окольцовывающей кладбище. Справа — травка-кустики, за ними, метрах в сорока — берег крутой, к Волге обрывающийся, слева — кресты, памятники, пара-другая берёз — нет, не то, не то, что надо для плацдарма сосредоточения главных сил! Видно, не вытянуть нам Ники

¹¹² — Стрелка (жарг. угол.) — встреча.

¹¹³ — Михаэль Шумахер — немецкий автогонщик.

¹¹⁴ — МЧС — министерство по чрезвычайным ситуациям.

из психушки мерами крутыми, УК не чтимыми... Ну что ж, я сделал, что мог, и совесть моя вроде как чиста, надеюсь, девоньки к аргументам железным, план Дины обнуляющим, прислушаются...

Проехали ещё метров пятьдесят — и судьба-искусительница шанс Ники на избавление (или нам на заклятие?) вроде дала. Велел Дине тормозить, выскочил из авто, запрыгал к... Не мавзолей, не евросклеп фамильный, но всё же кое-что: кирпичная кладка ограды монументальной (спрячемся за ней — никто и не увидит), шатёр на столбах, пара скамей деревянных, само собой, несколько надгробий мраморных... Через забор перебрался, огляделся, в вазу для цветов (высохшие гвоздики сойдут за маскировку) опустил пневматик (нельзя мне с тобой, друг, Быка угомонившим, по городам-весям шагать — так что прощай, хотя, как знать, может быть, ещё вернусь за тобой...), платочком протёртый (ни одного моего пальца опера, если найдут закладку, не получат!) — и к «жигулю» заторопился. Забрался в салон (без прыти недавней, потому как ноги стопудовые: стресс — чистая физиология, пройдёт), кисло улыбнулся девонькам, махнул Дине:

— В заведение, но не спеша!

На повороте к психушке Лера позвонила в дежурную часть милиции Н., заявила о «покушении на изнасилование беременной», уточнила локацию, где можно найти — если поторопиться! — насильников, ну и добавила о двух сбежавших подельниках.

Глава 3. Совесть или закон?

В Москве, в ночь перед вояжем в Н., покопался в Интернете и нашёл-таки пару абзацев (изыски местных краеведов) о губернской психушке. Построена в 1913 году от щедрот благодетеля, купца первой гильдии Угрюмова (то ли грехи замаливал деньгой купчина, то ли душа добрейшая), за городом, близ тракта¹¹⁵ почтового в месте чудном (не Швейцария, но почти) — рядом лес, Волга, погост появился только во времена нэпа¹¹⁶. Нашёл даже две фотографии — фасад и панорама со стороны леса. Фото мне понравились — любительские, но информативные. Поэтому, когда Дина надумала притормозить у фасадных ворот (эти нам неинтересны), велел девушке объехать авто эскулапские, на площадке перед заведением припаркованные, и занять позицию подальше — там, где асфальт кончается. Дина доругилась, куда велел, заглушила двигатель, недовольно надула губки и попробовала роптануть: прогундосила, что пойдёт в отделение на пару со мной. Хотя план легального визита в заведение я утвердил ещё в Москве: в разведку иду один, без девонек. Во-первых, Дина для эскулапов — персона нон грата¹¹⁷, пользы от такой помощницы — ноль, но всё испортить может на щелчок. Во-вторых, Лера на седьмом месяце в заведении для меня боль головная: буду не разведку вести, а любимую от эксцессов¹¹⁸ оберегать. Лера резоны поняла, приняла, согласилась, Дина вроде бы явила конгениальность, а сейчас вдруг передумала: дескать, в разведку пойдём на пару! Но времени у нас в обрез — не до сантиментов, а дел предостаточно, потому отмахнулся невежливо от Дины, кинул на колени блокнот и сочинил заявление в губернские прокуратуру и горотдел милицкий, передал черновик Лере и запустил таймер. Потом сочинил текстик короткий криминальный для Москвы, следом расширенный для рупора магната. Вышел из «жигуля», соединился по мобиле с «Центром», зачитал дружбану редакционному на диктофон горяченькое и убедил не затягивать с публикацией, а «с пылу-жару» выставлять инфу на сайт. Новость криминальная о попытке изнасилования урками средь бела дня беременной на погосте Н. («бомба», такого в России ещё не бывало!), нейтрализованная храбрым журом — аргумент сочный, надеюсь, сработает. Может, конечно, и не сработать: Лера — персона не медийная, была бы какая-нибудь Ксюша-Нюша растиражированная, тогда другое дело, тогда в топе новостном место имели бы гарантированное. Публикация на сайте — мелочь, конечно, но хоть какая-то пиар-подмога, внимание демоса¹¹⁹ (в идеале — и власти) к Н. притягивающая, пятки закулисе губернской щекочущая. Ну и, ловя мгновение, провёл рекогносцировку фланга заведения, к лесу обращённого.

Видеокамера у ворот боковых и осколки стекла, вмурованные в гребень забора (одно утешение — невысокий: всего-то пара метров), мне не понравились — получается, плюс ещё две печали.

Лера минут через десять выбралась из авто на пленэр¹²⁰, передала мне листы с заявлениями и показала фото, сделанное на погосте на аппарат наш фотографический (цифровичок скромненький японский, хотя и дорогуший, но вещица в работе жуrowsкой необходимая, вот и пришлось раскошелиться): дебильный фаллостник и Бык в лучших ракурсах.

¹¹⁵ — Тракт (устар.) — большая проезжая дорога.

¹¹⁶ — НЭП (новая экономическая политика) — экономическая политика, проводившаяся в Советской России и СССР в 1921—1928 годах.

¹¹⁷ — Персона нон грата (дипл.) — иностранное лицо, нахождение которого на территории государства его властями признано нежелательным.

¹¹⁸ — Эксцесс (книжн.) — столкновение.

¹¹⁹ — Демос (др.-греч.) — народ.

¹²⁰ — Пленэр — открытый воздух.

— Отлично, любимая! А теперь вернись в «жигуль», заблокируй дверцы и никому — даже спецназу, а тем паче¹²¹ милицейским! — не открывай!

Лера удивлённо вскинула брови, пришлось сослаться на звериное чутьё и железную логику фактов: как-то удивительно быстро появились на погосте в нужное закулисе время никого и ничего не остерегающиеся наглые урки — не иначе, стоит за ними заказчик серьёзный, хорошо информированный, не исключено, в погонах с большими звёздами.

До начала визитов посетителей оставалось минут двадцать — надо спешить. Солнце пригревало, воздух был свеж и пахуч, щебетанье птиц умиротворяло, из калитки заведения вышли две тётки с пакетами (просвечивает пластик, не скрывает кур, масло сливочное и подсолнечное, пачки творога — похоже, повариха с подручной, болезных объедающие?). Уступил добытчицам дорожку, достал цифровичок и вслед воровкам щёлк-щёлк — авось компромат на заведение для дела предстоящего пригодится.

Вошёл в калитку — слева будка, в ней сержант чай прихлёбывает, скучает (странно, откуда и зачем здесь МВД, если должен быть богоугодный страж?). Раскланялся со служивым и скрасил житьё-бытьё милицейское вопросом невинным:

— С курами да бутылками, похоже, «повариха со сватьей бабой Бабарихой»¹²²?

Сержант напрягся, решил, видно, что пациент недолеченный в психушку добровольно вернулся. Я плечами пожал (да-а, и чему тебя, друг сердечный, только в школе учили, если ты тексты Александра Сергеевича от параноидальных вывертов отличить не можешь?), взгрустнул, уточнил:

— Не подскажите, где приёмное отделение?

Понял служивый — по делу в заведение чел явился, клиент, поди, потенциальный, напряг сбросил и путь указал верный.

Прошёл под аркой (туннель метров восемь длиною, на стенах трубы — коммуникации, стал быть, — с некоторых водица капает — не купчиной проложены, властью губернской), вошёл во двор внутренний, поглядел налево (лестница деревянная на второй уровень ведёт — перепад высот: на холмах, однако, «гнездо кукушка свила»!), направо (и здесь пристройки деревянные и лестница на второй этаж), прямо (скворечник-деревяшка, к нему тоже лестница — оно, то самое, приёмное, за ним, дальше, ещё строения — и всё дерево, дерево!). Не приведи Господь, мелькнуло тревожное, замыкание короткое в союзе с ветром шквалистым — это ж как полыхнёт да с какими жертвами! Обернулся, кинул взор на ряд окон на втором этаже, тут какой-то болезный за решёткой запрыгал, руками замахал. Я, понятное дело, в долгу не остался, изобразил Политбюро, с трибуны мавзолея народу благоволящее¹²³ — в общем, почтил вниманием, сделал человеку приятное. Ну а потом позвонил Петру Петровичу — может, уважил юрисконсульт просьбу мою нижайшую, узнал что любопытное?

Звонок оказался удачным, хотя от инфо бывшего замполита пульс у меня зачастил.

— Запоминай, Евгений! «Жертва» — некая Бугачёва, 23 года, кассир в маркете, не замужняя, живёт в коммуналке с безработной матерью и отчимом. Мужик не дурак выпить, постоянной работы нет, перебивается редкой халтурой. В понедельник Бугачиха взяла отпуск и улетела в Турцию на отдых и лечение. Задержание и доставку Николая Старкова в больницу провёл старший лейтенант Волжского райотдела Цапо. Оказался старлей на месте происшествия случайно — так написано в рапорте. «Скорая» в инциденте не участвовала. Удачи тебе, дружище!

¹²¹ — Тем паче (уст. разг.) — тем более.

¹²² — Цитата из «Сказки о царе Салтане», А.С.Пушкина (1799—1837).

¹²³ — Праздничные традиции времён СССР.

В приёмном книгу листал (детектив глянцевоый, нет чтобы в «Психиатрию» углубиться, знания обновить-преумножить) эскулап дежурный (очки, усики, шея тонкая, улыбка мягкая, глаза добрые — «ботаник» али¹²⁴ пиранья, роль благодетеля играющая?).

Минуты впустую тратить не стал, сразу перешёл к делу: поведал доверительно о родственнике неадекватном, о беспокойстве семейном, совета запросил, как, мол, ситуацию деликатную разрешить, как болезного в заведение пристроить — ради его же блага, разумеется! — если он добровольно ни в какую?

Эскулап, добрая душа, проникся и поведал: сначала звонок в «скорую», коллеги потом уж сами милицейских пригласят, чтобы, значит, всё было «по закону». А как подъедут медики с силовиками, дверь в хатку им надо открыть, на болезного указать, бумагу разрешительную подписать — «дальше наши проблемы».

— А нельзя ли без милицейских? Персоны, увы, знаковые, броские, в момент внимание лишнее к процессу привлекут... Я это к тому, что соседям о печалях наших семейных знать не обязательно... Хотелось бы по-тихому, не афишируя, одними медикусами обойтись: дескать, аппендицит или иная какая хирургия... — изобразил я муки совести и заботу о реноме фамильном.

Вздыхнул эскулап сочувственно, руками развёл:

— Если пациент на добровольную госпитализацию не согласен и к буйству склонен, без представителей власти нельзя...

— А без «скорой»? — изобразив напряг интеллектуальный, задал я «невинный на засыпку». — Мелкое, скажем, хулиганство на почве алкогольного излишества? Казус распространённый, реноме семьи особо не пострадает...

— И без «скорой» нельзя... — растягивая гласные и как-то уж очень внимательно разглядывая меня, вопросы странные задающего, обронил эскулап.

Быстренько (подальше от подозрений в неадекватности или, того хуже, в происках каких коварных) поблагодарил любезного за консультацию, под журнал регистрационный купюрку тысячную смущённо пихнул; «неподкупный» изобразил святое неведение, а я, довольный разведкой (всё, что мне было нужно в приёмном, узнал, углядел и запомнил; особенно мне глянулся шкафчик стеклянный у стеночки, а в нём коробка запечатанная с аминазином¹²⁵ — жаль, одна — и упаковки со шприцами рассыпью), зашагал в канцелярию — на randevу с главным. Ну и к факсу больничному поближе.

Секретарша босса (сидит шахиней, ляжками пухлыми светит, макияж правит, к randevу ночному с султаныхом, надо полагать, приуготовляется) на мой политес глаз чёрный скосила, ответила нелюбезно:

— Кязим Бабаевич занят! Завтра, завтра приходите!

Как же, как же — завтра! А это вот пробовали?! Сунул в нос озадаченной «прессу», в пластик закатанную, сдвинул по-хозяйски в угол стола косметичку и хлоп перед нелюбезной ксероксы с заяв Дининых, мною в столице сочинённых, в инстанции высокие. Ну и факсы, в свободную-демократическую продублированные. Копию с резолюциями строгими, от подлинника не отличимую, легко получил на аппарате домашнем; рука «на документах редакционных», конечно, Леры, коей размашисто начертаны указания мне, кору-исполнителю, от босса газетного мчаться из Москвы в Н. правду искать — чистая фальшивка и подлог, но поди, принцесса, проверь!

¹²⁴ — Али (уст. прост.) — или.

¹²⁵ — Аминазин — первый в истории нейролептик (создан в 1950 году); период полураспада — 15—30 часов; нарушает аккомодацию, когнитивные функции, память, оказывает сильное торможение центральной нервной системы.

— Компетентные органы, коим поручено... — поднял глазки наглые к потолку, изобразил визуалом, с кем белохалатники Н-ские дело имеют! — ...расследовать дела ваши тяжкие, а может, учитывая вероятный летальный исход для жертвы невинной, и особо тяжкие, а это уже вплоть до пожизненного заключения (для кого — уточнять не стал: сама думай, шахиня, всё сама!), подъедут завтра-послезавтра, а мне статью в редакцию готовить надо срочно! Сами понимаете, жаждет пипл¹²⁶ горяченького да эксклюзивенького¹²⁷, а у вас тут такое роскошное безобразие творится!

Ну и коснулся кончиками пальцев бантика губ, причмокнул плотоядно — изобразил, стал быть, доходчиво, какое блюдо острое-пикантное собираюсь приготовить в заведении не столько богоугодном, сколь мерзопакостном.

Дал девахе секунд пять проникнуться откровением явленным, потом ткнул в нос шахине экран цифровика с фотоуликой — «поварихой да Бабарихой», сиречь¹²⁸ воровками, горбятящимися под неподъёмным грузом уведённого у болезных харчевого запаса, в руки опешившей ксероксы-факсы грозные пихнул и коброй разбуженной зло прошипел:

— Давайте, моя хорошая, не ленитесь, беспокойте уважаемого Кязим Бабаевича — это в его же, а значит, и в ваших интересах! Потому что если ответы на вопросы простые я от главного сейчас не получу, то, конечно, уйду подобиру-поздорову. Но в статье первым делом подчеркну, что Бабаевич ваш затруднился, а то и уклонился! В общем, в отказ пошёл! А этот факт, открою вам маленький профессиональный секрет, развязывает мне руки для сочинения любых версий! Понимаете, — модуляциями подчеркнул-отметил, — любых! — Кинул взгляд на шахиню — нет, не поняла масштабы грозящей благополучию белохалатному опасности, ну что ж, надо, видно, просвещать доходчивее. Я и врзал: — И в суд за клевету вы на меня не подадите! Потому что в статье юридически не клевета, а лишь версии, на которые ваш категорический отказ от любви к истине меня и подвинул! Ну что, уразумели, что для вас хорошо, а что не очень?!

Шахиня думала недолго и решение приняла верное — схватила заявы и прямиком в кабинет к боссу о «чёрном лебеде»¹²⁹, залетевшем в приёмную, докладывать (самое, полагаю, для эсков обидное, что ни облачка в их ясном солнечном благоденствии до сего мгновения не было, не было, а тут вот он, стервятник, явился!).

Отправить заявления Леры в городскую прокуратуру, милицейским и — для контроля! — власти губернской (номера факсов узнал-записал, естественно, заранее, ещё в Москве, покопавшись в Интере — так, на всякий случай — он и приключился) я почти успел. Секретарша, узрев на выходе от «уважаемого» пыхтящий факс, по инерции взъярилась — как мол так, кто разрешил казённое да в личных целях?!

Угомонил нервную коротким и решительным:

— Имущество народное, госбюджетом, а значит, и моими налогами, оплаченное использовано в интересах закона и государственной безопасности! «Слово и дело государево»¹³⁰, одним словом!

Прочитать заявы не дал, пихнул листы в планшетку и нагло прошествовал мимо баллаболки к Бабаевичу.

Кязим мне понравился: мог бы послать жура куда подальше, ан нет, шагнул главный из кресла руководящего навстречу, руку потряс (ладошка потная — с чего бы: перегрелся на

¹²⁶ — Пипл (от англ. people) — люди, народ.

¹²⁷ — Эксклюзив (разг.) — исключительное, неповторимое, единственное в своём роде.

¹²⁸ — Сиречь (устар.) — то есть, иными словами.

¹²⁹ — «Чёрный лебедь» — социальная, экономическая, политическая и т. п. катастрофа, которую невозможно предсказать.

¹³⁰ — «Слово и дело государево» — формула и система политического сыска в Российской империи (в XVII — XVIII веках), позволявшая любому человеку заявить о государственном преступлении или измене.

работе или занервничал от внимания прессы столичной?), гостем почётным усадил, интересоваться вежливо стал, чем, дескать, могу?

Список моих пожеланий был скромен: привлечение к уголовной ответственности воровки-поварихи с подельницей, интервью с Адкой, интервью с Николаем, проверка, так сказать, журналистская изложенных в заявах в высокие инстанции обстоятельств.

Кязимушка на фотоулики ручками всплеснул, крови воровской наобещал с цистерну (как же, как же, бабарихи шапкой-невидимкой прикрывались и весь гешефт от товара спёртого, на рынок, поди, знакомцу для реализации сбрасываемого, под себя безоткатно¹³¹ гребли!) и тему пикантную резко сменил: позвонил, приказал, сопровождающую медсестричку снарядил, на прощание улыбками и словами приятными щедро одарил. Одно слово, человек восточный, рахат-лукумный¹³² — с такими ухо держать надо остро!

Медсестрица, проводником назначенная, перехватила меня во внутреннем дворе, ручкой указала на нужную лестницу (про вектор сей я и сам — со слов Дины — знал) и любопытством донимать не стала (босс, поди, распорядился — а то слово за слово, шорох по заведению и пойдёт, а он Бабаевичу, ясное дело, ни к чему).

Как ступени преодолели, любезная меня, правда, за руку придержала: на втором больничном уровне «воронок чёрный»¹³³ стоит, к нему два стража ведут типа в наручниках, а третий, с «калашом» в руках, бдительный и суровый, глянул на нас строго, мы и замерли.

Как «воронок» заведение покинул (через ворота те самые на уровне парковки для авто сотрудников, мной снаружи изученные), медсестре я вопрос-другой мимоходом задал. Ответы меня огорчили. Во-первых, в заведении имеется специальное отделение, в котором проводят экспертизы («На вменяемость», — уточнила медсестрица) убийц и насильников (вот почему и на входе пост милицейский!). Во-вторых, в спецотделении за дверями стальными — охрана с «калашами». Сколько «штыков», большой секрет, но даже один милицейский, если он в час X выйдет «на природу» перекурить, операцию по спасению Ники (если она всё-таки свершится, в чём я очень и очень сомневаюсь) на раз-два отправит в тартарары¹³⁴. Ну и в-третьих, над входом стальным в спец торчит видеокамера. Если в её ракурс хоть краешком попадёт пятка, не говоря о частях тела посущественнее, моя или Дины, возьмёт нас стража, не отходя от спеца. Потому что отделение, в коем Ники, словно царь Додон в бочке, запечатан, от двери в спец по прямой метрах в четырёх. Лёгкое утешение: поднялись мы по лестнице, свернули налево, сделали пять шагов, потом тук-тук по ступеням каменным, ширк-ширк по крылечку и вот она, дверца в «санаторий» (ха-ха!). А удача в том, что в зону слежения видеокамеры спеца, если аккуратно и бочком, к перилам и стеночке прижимаясь, маршрут наш скорбный вроде не попадает — выступающий угол отделения, где Ники мается, обзор оптике перекрывает. Надо бы деталь эту для спокойствия душевного уточнить, а как? Не в спец же тук-тукать да вопросы пикантные стражу с «калашом» задавать... Получается, если решимся на подвиги, то двинем в «санаторий» за Ники на авось¹³⁵ — опция из наисквернейших.

Хотя, если решу, что в деле «вариант третий» (по объективным причинам похищение Ники отменяется, и на лесоповал мы не едем), козырей лучше спеца, его видеокамеры и пары-другой милицейских с автоматами для оправдания перед Диной и Лерой не придумаешь.

Одна печаль: как быть с ней, будь она неладна, вечной проблемой выбора между высоким (совестью, «один за всех», «своих не бросаем» и прочим, песнями-сагами воспетым) и

¹³¹ — Откат (жарг.) — форма взятки.

¹³² — Рахат-лукум — восточная сладость.

¹³³ — «Чёрный ворон» (разг.) — автомобиль для перевозки арестованных.

¹³⁴ — Тартарары — пекло, бездна, ад.

¹³⁵ — Авось — необоснованное желание поймать успех, удачу.

инстинктом базальным, теми же гусярами-сказителями в героических легендах-былинах презираемым?

Медсестрица нажала кнопку звонка раз, другой, наконец изнутри соизволили глянуть в глазок, щёлк замок, лязг запор, дверка и приоткрылась. (Белый халат сестринский — пропуск вернейший: это логично, и факт сей сезамный¹³⁶ мы учтём.) В проёме возник «вертухай»¹³⁷, пароль — «Кязим Бабаевич приказал!» — сработал, и медсестрица (ну и я следом) протиснулись в «круг десятый». (Если сказ Дины правдив, и если в девяти кругах мест для Старших Сестёр¹³⁸ не нашлось, обязательно должен быть круг десятый, заточенный под «гнезда кукушек» — логика Дантова ада.)

Доверенная Бабаевича сдала меня с рук на руки «вертухайке» (санитарка «тётя Паша» — могучая, зрелая, под шестьдесят, суровая) и упорхнула на волю.

Белохалатница за моей спиной клац-клац запорами (ключ плюс задвижка), взором хмурым прошлась по визитёру «от килия до клотика»¹³⁹ и обронила царственно:

— Здесь ждите, сейчас доложу!

«Дредноут»¹⁴⁰ запыхтел по, надо полагать, пристроенной (при Советах, а может, и олигархах) к каменному корпусу времён купца Угрюмова деревянной галерее. На указание тётки я и ухом не повёл и засеменял следом, добирая недосмотренные (или недосказанные) Диной топографические детали. Итак, справа — три открытых нараспашку окна (стены — в метр, наверное, толщиной — не пожалел камня купчина!). За ними — палата (освещена слабо), а в ней койки, койки, койки! Да, нафасовали пациентов плотно, без вентиляции болезные через час-другой начнут хрипеть-задыхаться, так что окна обязаны быть всегда нараспашку. Слева — стена деревянная, от двух метров и выше — сплошные окна в решёточку, вдоль стеночки — столы-стулья (в галерее трапезная, поди, устроена, она же площадка для фратернизации¹⁴¹ болезных с родственниками). Прямо по курсу — дверь и окно манипуляционной, далее (со слов Дины) — стойбище¹⁴² эскулапов. Да, и слева, как вошёл в отделение, дверь, за ней, если нух добермана не обманывает (хотя хлорку ни с чем не спутаешь), удобства¹⁴³. Если потянет нас на подвиги ночные, норку эту надо учесть — одарить может, такая-сякая, форс-мажором...

«Дредноут» вплыл в эскулапскую зону, а я подкатил к двум в больничных пижамах (заношены-застираны до дыр, но на лоскуты пока не распадаются — бюджет, где твоя щедрость?!), сочинявшим за столом трапезным, наплевав на «мёртвый час»¹⁴⁴, шахматную партейку.

— Отличный ход! — не теряя набранного жур-темпа, порадовался я за короткостриженного, игравшего чёрными, польщённый «Капабланка»¹⁴⁵ довольно хмыкнул, а я, раз контакт установлен, явил интерес:

— Кстати, парни, а где тут у вас журналиста, инъекциями покалеченного, вредители-белохалатники прячут?

¹³⁶ — «Сезам, откройся!» — сказочное заклинание из «Тысячи и одной ночи».

¹³⁷ — Вертухай (крим. жарг.) — надзиратель, караульный.

¹³⁸ — Старшая Сестра — персонаж романа К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки».

¹³⁹ — «От килия до клотика» (морск.) — снизу доверху.

¹⁴⁰ — Дредноут — мощный линейный корабль.

¹⁴¹ — Фратернизация — чувство братской любви к кому-либо.

¹⁴² — Стойбище — стоянка кочевников.

¹⁴³ — Удобства — туалет, уборная, сортир.

¹⁴⁴ — «Мёртвый час» (разг.) — послеобеденный сон в больницах.

¹⁴⁵ — Хосе Р. Капабланка (1888—1942) — третий чемпион мира по шахматам.

Второму игроку — пусть будет «Эйве»¹⁴⁶ — анафема нейрорептикам и эскулапам понравилась — в общем, расположил я болезных к себе, наладил контакт. Но тут возник какой-то типус метра под два с фейсом¹⁴⁷ рафинированного идиота, схватил с доски короля «Макса» и запрыгал, гогоча, к удобствам. «Эйве» обиделся и кинулся за идиотом, «Капабланка» — сама любезность — дал инциденту коммент:

— Афоня! Дурной! Место ему в буйном, его все боятся, даже я, — взял меня за руку и повёл в палату-муравейник — благо вход в неё в четырёх шагах.

Завёл — и заработал чичероне¹⁴⁸:

— Аспирант, — ткнул в безучастного, на ближней к двери койке эмбрионом свернувшегося, в простынку, словно в саван, с головой завернувшегося — математик, над диссертацией трудился, две главы написал, перегрузился, в дурдом загремел. Мог бы стать большим учёным, но сошёл с дистанции... А это, — указал на бредущего нам навстречу подергивающегося-помаргивающего, — Филя. На похоронах матери потерял сознание. Пришёл в себя — в башке голос. Мать. Глюк слуховой. Что делать с Филей, как лечить, никто не знает, даже консилиум. А журналист твой вон там, дальше...

Лампочка тусклая в палате на сорок, не больше, квадратов — одна, коек — двадцать с плюсом в четыре ряда, на них болезные «мёртвый час» долёживают, без «Капабланки» в этой «банке с сельдями» я бы хрен Ники нашёл. А с проводником — легко и просто: второй ряд коек (третий к нему вплотную), считая от глухой стены, наша лёжка, получается, на линии четвёртая от входа. Это скверно: и от свободы далеко, и проход к коечке узкий, на одного чела, тот же Афоня явится, упрётся спартанцем, перекроет «Фермопилы»¹⁴⁹ — и что тогда делать?

Ники — словно на смертном одре: глаза закрыты, вдохи-выдохи... нет, не замечены... лоб потрогал — холодный... взял мученика за руку — пульс вялый, редкий... брадикардия... присел... простынь, тело покрывающая, намочла, да, намочла... Сдвинул полотно серое — так и есть! Обмочился пациент, и не раз, а «вертухайки» в галерее чаи гоняют! Ну!.. Выругался вслух, выхватил из сумки цифровик — и щёлк-щёлк безобразие (пригодится компромат все-непреренно).

Вспышки в окошко распахнутое (хоть какая-то вентиляция, но дух в палате всё равно тяжеленный!) углядела из галереи «вертухайка» (нет, не «дредноут», так, «катерок патрульный»). Среагировала по протоколу — забежала в палату, на входе закудахтала, когда я аппарат в сумку упрятал, наконец решилась, ко мне подкатила да зачастила: нельзя, нельзя, нельзя, отдай, отдай, отдай!

Взглянул на «катерок» весело, в карман халата купюрку опустил (хватит с тебя, крикливая, пяти сотен), указательным в потолок ткнул:

— Директива самого Кязим Бабаевича! Разумеете, любезная вы наша, против кого ропщете?! А если сомнения какие имеются — это к Ад Борисовне, к ней, к ней!

«Катерок» и сам был не рад, что в историйку вплыл, с облегчением великим развернулся, купюрку из кармана извлёк, под халатом пристроил и к эскулапке за указаниями запыхтел. Пара спокойных минут у меня есть, решил я, не буду терять драгоценное. Привёл шлепками лёгкими Ники в чувство (относительное, конечно), вопрос задал о делах пятничных.

Услышать-разобрать ответ тишайший помешал мне Афоня. Идиота разобиженного (не иначе, догнал его «Эйве» в удобствах и отнял-таки фигуру) занесла в палату то ли нелёгкая, то ли подсказал кто; гыкнул Афоня, замахал руками, зубы оскалил, на меня двинулся, по

¹⁴⁶ — Макс Эйве (1901—1981) — пятый чемпион мира по шахматам.

¹⁴⁷ — Фейс (от англ. face) — лицо.

¹⁴⁸ — Чичероне (устар.) — проводник, дающий пояснения туристам.

¹⁴⁹ — Фермопилы — узкий проход между горой Этой и заливом Малиакоса; в 480 году до н.э. 300 спартанцев и свыше 6000 воинов из других греческих государств на несколько дней задержали здесь 200-тысячное войско персов.

пути аспиранту безвинному подзатыльник дал, показалось мало, за ноги математика подёргал. «Капабланка» безобразие увидел и быстренько за спину мою спрятался.

Пока я размышлял, что лучше — шокер (меня же потом и обвинят белохалатники в «жестокое обращение с больным человеком») или перцовый (а это вообще средство «массового поражения», в закрытом да богоугодном помещении — криминал чистой воды), идиот скачущий махал клешнями уже в метре от меня. Не от мысли глубокой, от отчаяния великого (ах, как ты, Афоня, не вовремя явился!) шагнул я навстречу идиоту, вытянул руку, поиграл пальцами, рывкнул «царём зверей» классику¹⁵⁰ нетленную:

— Афоня, падла! Пасть порву, моргала выколю! Пошла прочь, тварь содомская! — ну и подумал устало: всё, не будет эпопеи освобождения, покалечит меня сейчас идиот буйный! Следом и слабость простительная волю мою стальную придавила: ну что ж, может, оно и к лучшему — избавит нас Афоня от авантюры гибельной...

А кто-то не верит в чудеса. А они есть, есть, есть! Я свидетель, я! Идиот на рык мой полубезумный и пассы шаманские вдруг развернулся и с рёвом детским кинулся из палаты вон. «Капабланка» из-за спины выпорхнул, уставился на меня с восхищением великим; дрожь в коленях моих сидельцам палатным видеть не обязательно, я и плюхнулся на коечку, тем более дело у меня важное и срочное, дело!

Вот только Ники — «тормоз»¹⁵¹ великий (химия чёртова даже Зевса в «овощ» превратит!), голос у парня — дуновение наилегчайшее, склонил я ухо к устам узника, рядом диктофон пристроил, допытываться стал (надо, бедолага, надо, ты уж постарайся, пошевели губами, поиграй голосом!), на многословие страдальца, впрочем, не рассчитывая, подробностей пятничных.

Через минуту стало ясно: схема не работает, сиречь неверна, значит, требует упрощения. И перешёл я на вариант «да-нет» (классика детективного жанра, ну и мой жур-приём): излагаю Ники версию, он либо соглашается (кивок изображает или ресницами морзит¹⁵²), либо отвергает. Как свидетельские показания такой диалог ничтожен, ну а как «информация для размышления» вполне сгодится.

Успел узнать о делах пятничных кое-что любопытное. Шёл Ники домой после дня трудового, никого не трогал, вдруг тачка рядом тормозит, из неё тип вываливается. Удар током (электрошокер, как без него), паралич (временный, но мгновений агрессору хватило). Как оказался в салоне авто, Ники не ведаёт, помнит только, что тип ему в рот запихнул что-то, из бутылки плеснул, запить дал, наручники за спиной застегнул, потом уже девица какая-то в тачку села. Ехали они, ехали и приехали — аккуратно в психушку. Вытянул тип Ники из авто, повёл — туннель, двор, ступени, потом дверь какая-то... И тут в Ники словно бес вселился... Потом некто в белом укол сделал, а дальше Ники уже ничего не помнит... Очнулся здесь, на этой койке...

— Ничего... ничего... не понимаю... — шелест тихий, еле слышный, но картина для меня яснее ясного: старший лейтенант Цапо похитил Ники на улице, запихнул в рот капсулу, мадам Осад сочинённую, привёз в психушку. Здесь зелье эффект явило (эрекция зашкаливает, фаллос безумствует, у Ники не лицо, а козья морда Сатира — вполне тянет братик на буйнопомешанного). Эскулап в приёмном экспрессию зафиксировал (может, даже видеозапись есть?! Если так, дела наши архискверны: получается, подготовку к беспределу¹⁵³ упыри — в белом? в погонах? в смокигах? — провели отличную), девица, якобы «подвергшаяся нападению»

¹⁵⁰ — Аллюзия на эпизод из х/ф «Джентльмены удачи» («Мосфильм», 1971).

¹⁵¹ — «Тормоз» (сленг.) — человек медленно соображающий, с замедленными реакциями.

¹⁵² — Аллюзия на азбуку Морзе.

¹⁵³ — Беспредел (сленг) — действия, полностью нарушающие писанные законы и социальные нормы, выражающиеся в крайней степени беззакония и произвола.

нию насильника», протокол-показания (может, как-то иначе ложь, в «историю болезни» втиснутая, названа — не суть важно) подписала...

Крепки, получается, узы, и по закону, сколько ни сочиняй заяв в инстанции высокие, Ники из психушки нам, шепнул мне здравый, не вытащить.

Получается, вкалывать в Ники яд нейролептический эскулапы могут сколь угодно долго — до нужного заказчику результата («овощ»? «жмур»¹⁵⁴? — увы, это уже людоедская эмпирика).

Тут в палату явилась делегация — «дредноут» с «катерком» — и стала зазывать на аудиенцию с «лечащим врачом».

Ладно, играем «второй тайм» (и этот на поле соперника) — на сей раз с мадам Мерлин-Ордянской.

Калечащая (в распахнутом белом, а под халатом расфуфыренная¹⁵⁵ под раут в клубе ночном) против диктофона возражать не стала — знать, уверена в себе, стерва, — и, усевшись за столом в ординаторской, демонстративно вытянула из ящика и кинула перед собой «историю болезни» (Ники, кого ж ещё!) — начала, стал быть, партию:

— Ну, какие у вас вопросы? Только быстрее — рабочий день у меня закончился!

«Быстрые шахматы» меня устраивают, держи мой ход, нелюбезная калечащая! Включил диктофон и запел соловушкой:

— Уважаемая Ада Борисовна, согласно Статье 22 Конституции Российской Федерации, каждое лицо имеет право на свободу и личную неприкосновенность! И вдруг гражданина России хватают среди бела дня на улице, препровождают в психиатрическую больницу и начинают колоть сильнейшими нейролептиками! Я, конечно, не спец в делах ваших скорбных, но, на мой дилетантский взгляд (отличная закладка на будущее: если человек с улицы — пророк в своём Отечестве, то куда вы, так вас растак, к.м. н. Мерлин-Ордянская, смотрели!), ещё одна инъекция — и весьма вероятен летальный исход! Действа, уже учинённые над Николаем, можно оценить, извините за прямоту, как похищение человека, Статья 126 УК, а грядущее, замаскированное под якобы лечение, умышленное убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, уже Статья 105. Или я не прав?

Я, конечно, прав, но интересно, что скажет эта стерва?

Стерва-к.м.н. не возмутилась «грязной клеветой», не метнула в меня — дабы «кровью смыть оскорбление» — бокал с недопитым чаем, а вальяжно улыбнулась и ответила, полагая, бойкой домашней заготовкой:

— По закону принудительная терапия в медицинском психиатрическом учреждении — это необходимая мера, принятая или по решению суда, или при наличии веских причин. Это действие проводится в отношении страдающих серьёзными отклонениями в психическом здоровье людей, которые опасны для окружающих или совершили преступление. В истории болезни нашего пациента (ткнула ноготком острым-красным в картонку на столе) есть копии милицейского протокола, показаний жертвы насилия, заключение врача приёмного отделения. Наконец, есть сделанная им видеозапись. Взглянуть не желаете?

Я пожелал, Адка пожала плечами, извлекла из ящика стола видеокамеру; запись не на цифру, на плёнку, но всё равно интересно: откуда, когда и зачем появился в заведении сей недешёвый импорт? Версия, моя: персонально под Ники заказчик и предоставил.

Увидел я то, что и ожидал: Ники буйствует в приёмном, Цапо спускает с него джинсы, фаллос могуч и жаждет совокупления, «жертва насилия» визжит, закатывает глазки и прячется

¹⁵⁴ — «Жмур» (жарг.) — мертвец, труп, покойник.

¹⁵⁵ — Расфуфыренная (разг.) — одетая нарядно, пышно.

за спину эскулапа... Дешёвая театральщина, но для непосвящённых в таинства фальсификации — аргумент железобетонный. И никакими заявами в высокие московские и губернские инстанции эту гнусную фальшивку, признаю окончательно и с сожалением, не пробьёшь, да, не пробьёшь...

«Аргумент» видяшный меня огорчил, однако ж собрал остатки воли в кулачок и решил уточнить насчёт грядущей воскресной (или даже раньше?) инъекции. Если кольнут, организм Ники, может, и устоит, но, вероятнее всего, уснёт жур и не проснётся, а заказное убийство эскулапы спишут «на индивидуальную непереносимость препарата» конкретным пациентом. Для больницы инцидент неприятный, но заказчик, полагаю, щедр на гешефты, и временную неловкость Адка и Бабаевич переживут легко.

— Удовлетворены? — упредила меня Адка и торжествующе заухмылялась.

Врач-убийца или как? Полагаю, да, убийца. Вопрос: ради чего? Угрозы закулисы? Шантаж? Деньга немалая? Что ж она, тварь такая, душу бессмертную за сребреники продала?! Похоже, что так: продала, и факт мелкий — она, как и Цапо и девица, укатившая в Турцию — всего лишь рядовые исполнители, — Адке на Страшном суде¹⁵⁶ не оправдание. Ну ладно, в гнев, в кару Господню убийца в белом не верит. А как насчёт секир-башка¹⁵⁷ от прагматиков-подельников? Знаете вы, к.м. н. Мерлин-Ордынская, много, так что не исключено, уберёт вас сам заказчик — когда время придёт или обстоятельства прижмут. Тачка, вестимо, у тебя, Адка имеется (не на автобусе же рейсовом хищница к кормушке подкатывает?), и автокатастрофа на пути из психушки к семейному очагу в логику событий Н-ских впишется идеально.

Хороший, однако, вопрос: кто заказчик и за каким хреном этому кому-то понадобилось запечатывать Ники в психушку, мочить нейролептиком, делать несчастной Дину, а нас с Лерой подталкивать к статьям уголовным? Да, Дина версию о губере, его сынуле и их интересах фамильных сочинила складную и почти убедительную. Иных идей у меня пока нет, игра идёт вязкая, непонятная, у нас — второй темп, шансы на выигрыш — сомнительные. Выкинуть белый флаг или попытаться «в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними?»¹⁵⁸ Слова красивые, а какие за ними-то планы А, Б и далее по алфавиту? Вот в чём вопрос, сограждане! Мы ж не на сцене, все в цветах и аплодисментах, мы в джунглях, так их и так!

— По словам Николая (напряглась Адка — какие-такие слова, почему не знаю?! Не должно быть никаких слов! Эх, не докололи!), на улице он ни на кого не нападал. Наоборот, агрессии подвергся журналист, законопослушный гражданин и добропорядочный семьянин! Затем в машине чин милицейский силой запихнул ему в рот некую капсулу. А дальше любопытно: реакция Николая на введённое в организм против его воли и желания химическое вещество идентична реакции ветерана! Да, да, того самого, о ком написал статью Николай. Может быть, читали? Если нет, полюбопытствуйте, — достал из кейса губернский рупор магната и хлоп поперх «истории болезни». Ох, прости меня, великий и могучий, за мой внутренний ненормативный монолог!

Адка читать не стала, отодвинула рупор в сторону, выразительно посмотрела на часы, хмыкнула и нагло заявила:

— Мы, врачи, оценивая психический статус пациента, оперируем бесспорными медицинскими фактами, а это что? — поддела безглаголиво ноготком слово печатное, явила гримаску, вынесла вердикт:

— Не факт, нет, не факт! Что же тогда, а? Предположение, домысел? Или злонамеренная клевета?!

¹⁵⁶ — Страшный суд (Судный день) — в эсхатологии авраамических религий последний суд, совершаемый Богом над людьми.

¹⁵⁷ — Секир-башка (тюрк.) — дословно — отсечение головы.

¹⁵⁸ — У. Шекспир, «Гамлет» (1600), акт III, сцена I.

— Медицинским фактом является тяжелейшее, предкоматозное состояние пациента, наступившее после серии инъекций, сделанных Николаю в вашей больнице! В истории болезни, кстати, факт предкоматоза отражён? — И вперил пристальный в глумливые Адкины.

Ухмыльнулась нагло стерва, плечами пышными пожала, дескать, что за бред вы тут несёте, чел залётный?! Но ни слова на диктофон!

Я не пророк, но мыслю, что в «истории» записи о предкоматозе Ники нет! Сие означает, что развязаны у мразей руки и творить они будут с братиком всё, что заказчик велит! Время, получается, плести на диктофоне паутину, попав в которую, Адка может быть — как знать? — и остережётся творить зло.

— Я вас понял, уважаемая Ад Борисовна: факт в «истории» не отражён! Интересно, с какой целью? Полагаю, с единственной: дать «зелёный» второй инъекции! А далее что, летальный исход?! Отсюда вопрос резонный: насколько целесообразна в такой сложной, в такой плохо предсказуемой ситуации эта инъекция, назначенная, если я не ошибаюсь, на воскресенье? Целесообразнее, поскольку Николай в настоящее время и так близок к коме, инъекцию отложить, подождать и разобраться, не исключено, с участием московской комиссии (никто, никто не придет! В этом у меня, после приобщения к «фактам», ни малейшего сомнения!), что же всё-таки произошло в минувшую пятницу? Подождать, пока жертва так называемого насилия вернётся из Турции в Н., и задать ей, равно как и врачу приёмного отделения и старшему лейтенанту Цапо, вопросы о деталях инцидента, если надо, используя при этом полиграф¹⁵⁹, — весь спич чётко, с расстановкой, в микрофон диктофона.

Адка облизнула губы (сообразила, стерва, что я начертил схему расследования, убийственную для заказчика и исполнителей, а значит, и для неё, мерзавки!), глазки калечащей растерянно забегали, но через минуту ответ всё же сочинила и туда же, в микрофон:

— Лечение Николая идёт по протоколу, рекомендованному Всемирной организацией здравоохранения, по западным стандартам, апробированным коллегами в ведущих клиниках США и Европы. Препарат, о котором вы говорите, Россия закупает в Америке за валюту. Препарат дорогой, эффективный, родственники Николая это должны ценить, а не кляузы в инстанции строчить! Равно как и своевременно поставленный диагноз и назначенное лечение для Николая благо: только так можно не допустить перехода болезни в хроническую форму, уберечь вашего родственника (А вот это, Адка, прокол! Я тебе о связях семейных не шептал! Ещё один, стал быть, аргумент «за» комплот!) от инвалидности, вы понимаете?!

Отбрехала Адка неплохо, совсем неплохо: московские чинуши перед Западом млеют, «Господи, благослови Америку!»¹⁶⁰ — аргумент убойный, а наши русские протестные пiski — да кто их слушает?! Но я ещё побарахтаюсь.

— Ад Борисовна (об уважаемой забыть и растереть!), лоботомию тоже придумал прогрессивный Запад. Но вы же не будете утверждать, что это детище западной цивилизации заслуживает восторга и поклонения?

— Здесь я с вами согласна: грубое и варварское вмешательство в головной мозг человека на Западе объявили панацеей от всех психических заболеваний! — легко, с печалью мировой на фейсе, парировала Мерлин-Ордянская мой выпад. — Сто тысяч человек сделали калечками! Потрошили белое вещество лобных долей — подумать страшно! — даже ножами для колки льда! «Отцу» лоботомии — португальцу Эгашу Моницу в 1949 году Нобелевскую премию по медицине дали! Позднее, правда, в Нобелевском комитете осознали, что натворили, но факты — вещь упрямая! Нобелевка за лоботомию — самая постыдная в истории науки! — ловко увернулась от аргумента разящего калечащая (признаю, снимаю шляпу) — и забрала себе собранные мной скромные очки. Верни хотя бы одно, продажная!

¹⁵⁹ — Полиграф — детектор лжи.

¹⁶⁰ — Слова, произнесённые в 1992 году президентом России Б. Н. Ельциным в Конгрессе США.

— И тем не менее именно этому Западу вы предлагаете кланяться, этот Запад предлагаете благодарить, этот Запад, использующий психиатрию как метод и средство достижения политических, а то и криминальных целей, для вас маяк и светоч?! Я вас правильно понял?

Слова мои — не намёк, а прямое, на диктофон записанное, обвинение к. м. с. Мерлин-Ордынской и компашки Н-ской в делах преступных, Адка, не ожидавшая от меня наглости великой, нахмурилась-озадачилась, темп терять нельзя, я и ударил фактом историческим:

— Своего лауреата Нобелевской премии по литературе норвеги осенью 1945-го сунули в психиатрическую лечебницу с одной целью — смыть с национального гения пятно пособника нацистов! Невменяем, дескать, поклонник Гитлера и нацизма великий писатель Норвегии, какой с него спрос! И действие сие называется «психиатрия на службе политики»! Могу привести немало примеров из того же синонимического ряда, прикрытых авторитетом Запада, но опускаю их исключительно из экономии времени!

Адка пожевала губами (видно, домашние заготовки иссякли), пихнула «историю» в ящик стола, раздумчиво изрекла:

— Не я за океаном призывала Всевышнего благословить Америку! Так что все претензии — туда! — и ткнула указательным в потолок.

Чистое туше (находчивая-изворотливая стерва, признаю), но я успел дерзнуть на последний писк:

— Кстати, Ад Борисовна, если Николаю делают инъекции, для них должен быть мотив — сиречь диагноз, пусть и предварительный. Вы могли бы его назвать?

— Диагноз — это врачебная тайна! — сурово, играя гиппократову добродетель, отрезала калечащая, задумалась, прищурила глаз и буркнула:

— Но вам, как родственнику пациента, так уж и быть, скажу: шизофрения! — И вдогонку, «петитом¹⁶¹»: — Вялотекущая.

Ну а следом, выдержав паузу, пододвинула к себе диктофон и выдала бронзу литую:

— Вы, конечно, можете утверждать, что ранее у Николая каких-либо отклонений психических не наблюдалось! Проблема в том, что вялотекущая шизофрения развивается медленно, всю жизнь, симптомы заболевания у пациентов выражены неявно, но по каким-либо причинам могут проявиться резко, неожиданно. Например, немотивированной агрессией. Так, как это и произошло с Николаем! Но, разумеется, увидеть в агрессии не криминал, а симптоматику болезни может только опытный, знающий, думающий специалист! Лейтенант, кстати, заслуживает отдельной благодарности за то, что привёз Николая к нам, а не в милицию, и мы оперативно начали лечение! — ловко вывела Цапо-подельника из-под удара Мерлин-Ордынская, ну и себя записала в благодетели и асы от психиатрии. Осталось только орден «За заслуги перед Отечеством» на грудь, диплом в рамочке на стену и цифирь энную на счёт личный.

Диктофон у калечащей я забрал, поднёс к устам своим пересохшим и отчеканил (для статьи и заяв в инстанции слова мои бесполезны — факт сей вынужден признать с прискорбием, — но менять правила игры не буду и ударю спичем так, на всякий случай — авось пригодится):

— По утверждениям ваших, Ад Борисовна, зарубежных коллег, вялотекущей шизофрении не существует в природе! Это не я, это Америка, Европа, Запад утверждают! (Перед визитом в Н. прошёл медицинский ликбез — покопался в Интере, и, поди ж ты, пригодилось!) Равно как и то, что эту так называемую болезнь придумал в СССР во времена «оттепели»¹⁶², чтобы расправляться с диссидентами и прочими инакомыслящими, главный психиатр страны. Дескать, при тиране оппозиционеры сидели в лагерях, а при «оттепели», застое, далее по списку перестройке и «социализме с человеческим лицом», их принудительно «исцеляли»!

¹⁶¹ — Петит — мелкий шрифт, которым в книгах набирали второстепенные отрывки.

¹⁶² — «Оттепель» — метафорическое название периода в истории СССР (середина 1950-х — середины 1960-х), время относительной либерализации политической системы.

Точнее, калечили нейрорепрессантами в психушках! Да, да, полагаю, если бы главного психиатра СССР с недельку «полечили» бы, к примеру, как Николая, в вашей психушке, диагноз «вялотекущая шизофрения» можно было бы поставить и самому академику! Извинились, кстати, ваши коллеги перед... — и я перечислил звонкие имена художников-поэтов и прочих могучих творцов, во времена оно¹⁶³ вялотекущей меченых, а ныне глобально известных-именитых, парочку даже Нобелевками наградили. Ну и метнул в спаханное-удобренное перл знаковый: — Да-а-а, живы, живы в вашей системе традиции карательной психиатрии!

Увы, для Адки пафос мой вольнодумный — дробина для динозавра, вышла калечащая из-за стола, халат белый скинула, в шкаф аккуратно повесила, ухмыльнулась, продекламировала:

— В Международной классификации болезней №10¹⁶⁴ — в России действует с 1999 года — вялотекущая шизофрения, пусть и под слегка изменённым названием — латентная — присутствует. Хотя что вялотекущая, что латентная, разницы никакой! (На мгновение исказился фейс злобой лютой — явил Адкину сущность, театральщиной прикрытую.) В общем, молодой человек, все претензии — к министерству здравоохранения, то есть к правительству России! Ну а уж после этого к нам, провинциальным грешникам! Ну а мы, идя навстречу законным требованиям родственников Николая, запись в истории болезни поправим и — так уж и быть! — запишем: латентная!

И рукой на выход указала:

— Прошу!

— Последняя деталь, — скучным слогом обронил я, достал цифровик, открыл фото (Ники в обмоченной больничной робе), показал Адке, дал мерзавке пять секунд на осознание очевидного (такой компромат ссылками на «западные протоколы» не побьёшь!):

— Ад Борисовна, подобный уход за пациентом ни ВОЗ, ни правительство России, ни минздрав не приветствуют!

— Вы правы, — тут же согласилась весёлая и находчивая, — наше упущение! Но, вы сами понимаете, зданию этому без малого век, средств на новую больницу нет, хотя вопрос о строительстве современного лечебного учреждения Кязим Бабаевич перед губернатором ставил неоднократно! — Изобразила размышления глубокие, выдала — сама! — желаемое мной решение: — Мы Николая переведём в палату соседнюю: проходную, небольшую, на пять коек и положим на ближнюю к двери! Санитарки за ним и проследят, и «утку», а то и судно, вовремя подадут! Договорились?

Вышли мы в галерею, Адка «тётю Пашу» кликнула, указание дала, запыхтели санитарки, дескать, сделаем, но не сейчас, а после ужина.

Да нет, любезные, сейчас, сейчас, чтобы локацию койки новой знал я точь-в-точь! Если решимся — лучше не надо! — на акцию а-ля «побег из замка Иф»¹⁶⁵, без точных координат нам никак нельзя! Ну и проверить опорно-двигательный Ники необходимо — одно дело, на плечах из плена парня выносить, другое — он хоть зигзагами, да на своих.

Разрешений на рейд запрашивать не стал (ещё чего не хватало!) — бегом-бегом к Ники. За руки парня потянул, перевёл из лежачего в сидячее: вставай, дружище, пошли!

Нет, не держится Ники на ногах, о шагах можно только мечтать. Новость бьёт наповал, но, раз таймер запущен, ползём, старина, в новую норку. Присел, крикнул, на спину страдальца взвалил — и вперёд, к свету, в зону, для эвакуации подходящую, зашкандылял¹⁶⁶. Да-а, запа-

¹⁶³ — Во время оно (книжн.) — когда-то давно.

¹⁶⁴ — В Международной классификации болезней №10, введённой ВОЗ в 1989 году и действующей в России с 1999 года, вялотекущая шизофрения устранена, вместо неё появился эквивалент — шизотипическое расстройство. В адаптированной в России версии МКБ-10 фигурирует латентная шизофрения.

¹⁶⁵ — Аллюзия на роман французского писателя Александра Дюма (1802—1870) «Граф Монте-Кристо» (1846).

¹⁶⁶ — Шкандылять (обл.) — идти медленно, прихрамывая.

шок от Ники знатный, густой, с аптечными букетами — организм, природой на сохранение живучести запрограммированный, сопротивляется, выводит дьявольскую химию с мочой и потом... Фишка¹⁶⁷, правда, не в моём нюхе доbermanовом: если свершится невозможное, милицейские пустят по следам беглецов джультарса¹⁶⁸ — и поведёт пёс верный следопытов по стезе нашей тяжкой да пахучей. У Волги, понятное дело, след оборвётся, но ориентир у сыскарей будет верный. Получат они его в любом случае — это нетрудно. Но хотелось бы с откровением потянуть, выиграть время. А как переиграть нюх собачий с таким арома-букетом? А никак! Ещё одна, так её и так, пятка Ахиллесова!

Доташил Ники, куда надо, пыхчу паровозом, Адка на ретивого смотрит хмуро, «дреднот» с «катерком» от босса не отстают (и плевать!). Изобразил недовольство: ну, и где ложе достойное, почему не готово, мне что, в минздрав звякать-стучать на нерадивых?!

Без конфликта локального не обошлось: болезный, коего в «банку с сельдями» на пересечение определили, в спинку кровати вцепился, ропот поднял недовольный, подвывать жалостливо стал. Но Адка молодец, подход верный к болезному нашла сразу — пригрозила сульфозином¹⁶⁹, рыдающий и смирился. Нехорошо получилось, некрасиво, но ты потерпи, болезный, с Ники вопрос на днях решится (жить или умирать — это уж как Господь скажет), и койка твоя бывшая в любом случае освободится.

Мыслишки для места, гуманистом-минздравом окормлённого, более чем странные — но ведь резонные, резонные.

На выходе из пятиместной оглянулся, взбодрил Ники взглядом, оптимизма полным (увы, игра: шансы на спасение у тебя, дружище, если не переступим через УК, так себе, призрачные).

Лицо Ники — маска гипсовая, посмертная, жизнь только в глазах теплится... ну и по щеке слеза.

А к.м.н. ухмыляется, торжествует, манифестирует: я и те, кто за мной, здесь хозяева и повелители, а ты, твой Ники и вам подобные — ничто, пыль, быдло, как мы решим, так с вами, холопья, и будет!

Резанули меня жемчужинка на щеке Ники и торжество калечашей по сердцу ножом острым — и, странное дело, перевесили слезинка и жажда противления злу инстинкты базальные, аргументы железные-мудрые: держись, брат, мы за тобой обязательно вернёмся!

Ну и «мы здесь власть» Мерлин-Ордынской — и тех, кто за ней — надо, всенепременно надо — пусть лишь в казусе Ники — обнулить.

А иначе твари мы дрожащие, права быть человеком гордым не имеющие.

В «жигуль» ломился какой-то буйный тип в гавайской рубаше (дёргает за ручки дверей, стекло кулаком на закалку проверяет, изрыгает глупости и непотребство¹⁷⁰, пальмы на спине плясками забавляются). За спиной агрессивного пришельца переминались два дэпээсника, их колымага блокировала наше авто, неужто Цапо с очередной пакостью пожаловал, мелькнула у меня фантазийная мыслишка.

Подобрался тихо, крадучись, надавил кнопочки на мобиле, звонко и радостно возопил за спинами милицейских:

— Евгений Шаров, специальный корреспондент из Москвы! Срочно! Нападение на журналистов при исполнении профессиональных обязанностей! Срочно наряд! Локация: рядом

¹⁶⁷ — Фишка (разг.) — особенность, яркая, отличительная черта.

¹⁶⁸ — Джультарс — кличка легендарного пограничного пса.

¹⁶⁹ — Сульфозин — взвесь возгонной серы в оливковом (или другом) масле; при внутримышечном введении вызывает пирогенную реакцию, температура тела повышается до 40°C.

¹⁷⁰ — Непотребство — в контексте романа — непристойная брань.

с городским кладбищем! (Скажу: на ступенях психушки, посмеются и не приедут... Сейчас, впрочем, тоже... Да мне и не надо — дэпээсники вздрогнут — и достаточно.)

Дорожно-постовые глас вопиющего услышали, обернулись, лбы нахмурили, секунд через десять рефлекс защитный сработали (жур, столичный, может, блефует, а может и нет, а не податься ли нам от внимания собственной безопасности куда подальше от старлея, тем более бузотёр сей не из нашего департамента?) — шагнули синие в сторону раз, другой — а мы что, мы не при делах! А тип возбуждённый-озадаченный мандат достал, в нос мне нервно ткнул.

Не ошибся я, однако — Цапо собственной персоной (вот и познакомились, упырь!). Хотя, после откровений калечащей, чему ж удивляться — играют в Н. нечисто, ох, нечисто, и, по смыслу здравому, надо из мест этих гиблых катапультироваться, да поскорее. Оценив факты железные, в заведении мной нарытые, мысль эту нехитрую Лера поняла бы, приняла и над судьбой печальной Ники всплакнула далече от ямы зловонной — в гнёздышке нашем московском.

Только теперь — после всей этой гнуси-мерзости, явленных урками кладбищенскими, уродами белохалатными да закулисой Н-ской, — нет, дудки-с, здоровый европейский! Теперь пойдём по-русски, не печалась особо о последствиях и презрев УК, на таран сокрушительный — брата из беды выручать, справедливость утверждать, злодеев наказывать (ну, это уже по возможности)!

Хорошее дело, правильное, благородное.

Но чтобы не стало оно гибельным для нас, я должен постараться.

Очень, очень постараться.

А Цапо наглый вдруг претензии нам предъявил: дескать, не вы ли, заезжие, граждан на кладбище с час тому покалечили, закон преступили? Кара теперь уголовная и гром небесный на головы ваши буйные!

Отвечать на вопросы глупые цапошные не стал. Тем более что старшой за мобилу взялся — не иначе звонок боссику (милицейскому или?..). Мигом вновь позвонил в «дежурную часть» и поинтересовался, выполнил ли наряд милицейский миссию экстренную: задержал ли на погосте насильников лютых, раскололись ли урки, назвали имена подельников сбежавших, а пуще того, заказчика преступления резонансного?! Шутка ли, попытка — середь бела дня! — группового изнасилования беременной! Столица, компетентные вы наши, о том — слава журу-спецу! — уже ведаёт!

«Дежурная» отчитываться не стала (ну, это ожидаемо), «столицу» проигнорировала и затребовала голосом скучным пострадавших в горотдел показания протоколировать.

Угадал с первого раза: заява Леры, по факсу богоугодному отправленная в горотдел, в сторону отложена, а урки не повязаны, ушли урки (помогли подельники сбежавшие или неизвестный заказчик постарался, мобилизовал кого надо — уж не Цапо ли?!), растворились в полисе¹⁷¹.

Изобразил фейсом радость-удачу великую правовую и клич в массы бросил: ну что, поехали, старший лейтенант Цапо, и вы, служивые, сначала в прокуратуру, потом в горотдел, собственной безопасности отчитываться!?

Цапо предложение не понравилось, ухватил было продажный мент меня за руку, пасть оскалил: куда, дескать, стой, я не разрешал!

Я скривился, вопль испустил, вольность позволил:

— Ты что, Цапо, совсем охренел от безнаказанности, что руки журналистам столичным средь бела дня ломаешь?!

Дэпээсники наглости птицы залётной подивились, в подельники к Цапо идти не рискнули, в глазках суетливых легко читаемое: «У жура, видно, «крыша» могучая — уж больно

¹⁷¹ — Полис (антич.) — город-государство.

нагло прёт шелкопёр¹⁷² на авторитета милицейского! Одно слово — опасный тип, пусть с ним лейтенант сам разбирается...», и первым спасительным ходом деликатно отвернулись от Цапошки (не хотят, если дело дойдёт до прокуратуры, стать свидетелями против своего, милицейского — корпоративная солидарность, так её и так!); вторым засеменили, в тачке своей попрятались; третьим дали тихий задний — только их и видели. Знать, неподначальны старлею, а если бабла от Цапо за услуги не получили, то, значится, и не нанимались, а за идею пусть лохи суетятся! Да и перспективы прокурорские (не говоря уже о гневе «крыши» журовской — мой простенький блеф, но, похоже, сработал) мало ли чем обернутся? А ну как заработанным тяжким дорожным трудом делиться придётся? Или того хуже — не приведи, не приведи! — падёт на опрометчивых кара тяжкая, и уйдут к чумазым должности хлебные?! Нет, старшой, извини: деньга, на дорогах больших добытая, нам дороже солидарности корпоративной!

Клешню Цапо, тихой ретирадой коллег озадаченного, я сбросил (похоже, 318 статью УК — насилие в отношении представителя власти — я себе сбацал¹⁷³, хотя свидетелей вроде нет, и слово продажного против моего... а, ладно, если что, отобьюсь), в «жигуль» ввинтился, перед тем как дверцей хлопнуть, гаркнул зловеще:

— Встретимся, пока ещё старший лейтенант, в прокуратуре!

В авто, как на трассу выехали, бормотнул мягко:

— В «жигуле», похоже, «маячок»¹⁷⁴ пристроен, а может, и «жучки»¹⁷⁵ стоят. Так что, девоньки, мысли сокровенные держите при себе — вслух не надо!

¹⁷² — Шелкопёр (уничижит.) — бездарный писатель, журналист.

¹⁷³ — Сбацать (разг.) — сделать что-то быстро, наспех.

¹⁷⁴ — «Маяк» — узкоспециализированное устройство, позволяющее определить местонахождение перемещающегося объекта (автомобиля).

¹⁷⁵ — «Жучок» — миниатюрное подслушивающее устройство.

Глава 4. Под колпаком¹⁷⁶

Въехали в город, и я шепнул Дине, чтобы мчала не к прокурору, это попозже, а на хаус.

Как поднялись в хатку, я первым делом комп Дины-Ники включил (старенький, дисплей с трубкой лучевой, Лере велел держаться от зла электромагнитного подальше), загрузил фотографии с цифровика и видео с камеры, перегнал файлы на CD¹⁷⁷ (улики прямые для прокуратуры), пару подходящих фото отправил по электронке в Москву дружбану (доказательства под текст новостной о насильниках кладбищенских, ну и, если главный одобрит, сгодятся как иллюстрации к статейке) и в рупор магната. Само собой, и текстовую «бомбу» туда же, в рупор. Автором этого, на всю губернию, колокола назначил Дину — её епархия, её, а чья рука стило держала (да, моя — и что?), уже не важно — важно успеть до сдачи номера в печать. Дина тут же перезвонила в рупор «своим»: дескать, информационная «бомба», не зевай, соратники! Что статейка — ещё и лёгкий тест на вшивость¹⁷⁸ магнатовскую, вслух размышлять не стал. Хотя, если магнат не дурак, рупор «бомбу» напечатает даже в том случае, если за всей этой Н-ской вакханалией стоит не губер, а сам богатеи. Насильники-то кладбищенские — тёмное пятно на губернию, а значит, и на реноме губер — это раз. «Волгарь» о, можно сказать, кошунстве неслыханном протрубил — слава рупору и его владельцу-правдолюбцу — это два. Ну и нам шепоток ласковый: убедились, дорогуши, что магнат за Ники-Дину рыцарем светлым со злом чёрным рубится беспощадно? Значится, богатеи на вашей стороне, а вы его в чём-то тёмном-злодейском подозревать смеее — это три.

Хлебнул кофейку, подхватил Дину — и вперёд, к прокурору! Лера геройствовать не стала — осталась на хаусе: сама, без моих диктаторских резолюций.

В прокуратуру мы явились к семи вечера, большинство законников уже разъехалось по домам, дачам, ресторациям и прочим приятным местам, но до дежурного младшего советника юстиции (по армейской иерархии, считай, майор) достучались-таки. Советник было велел нам приходить на приём завтра («Занят я, занят делами важными!» — ход стандартный, на простачков уступчивых рассчитанный), но я кинул на стол присутственный «прессу» (о-о-о, это мой «джокер»!), заявление (информационная база — откровения Ники, увы, с моих слов, жаль, запись на диктофон не получилась — а была бы к месту!) в двух экземплярах (на втором, вашество¹⁷⁹, для порядку-с распишитесь!). Второй серией легли оригинал заявления Леры на насильников, диск сидишный с уликами прямыми и лист с дактилоскопией уркаганской. От себя добавил заявы на милицейских, упустивших с погоста Быка с фаллостником, и на Цапо, напавшего — среди бела дня и при свидетелях милицейских (в скобках — номер дэпээсной тачки) — на журналиста. Решил не мелочиться и ударил по Цапошке сразу двумя статьями УК — 144¹⁸⁰-й и 286¹⁸¹-й. Ну и доказательную базу явил: копии записей на диктофон — когда мы с Цапо около «жигуля» сцепились — и «фильм ужасов» на ту же тему, снятый Лерой из салона тачки. Эти эпистолы, силовиков (считай — почти коллег прокурорских) метящие, полагаю, ход получают формальный, буксующий, хорошо, если в итоге до архива макулатурой доберутся. Хотя, если прокуратуре надобно милицейских прижать, потрясти или какую иную игру сыграть с УВД, советник заявам моим вполне может дать ход — для нас это козырь в руки. Как и моя

¹⁷⁶ — Под колпаком (разг.) — находиться под тайным наблюдением, слежкой.

¹⁷⁷ — CD (от англ. compact disk) — оптический носитель информации в виде пластикового диска.

¹⁷⁸ — Проверка на вшивость — проверка человека на порядочность, честность, верность.

¹⁷⁹ — Вашество (шутл.) — ваше превосходительство.

¹⁸⁰ — Статья 144 УК РФ «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов», особенно если используется служебное положение, насилие или угрозы.

¹⁸¹ — Статья 286 УК РФ — превышение полицейским должностных полномочий.

заява первой серии, в которой схема «поиска истины» в деле Ники подробно изложена (инъекции отменить, парня перевести в московский стационар, снять показания — под полиграф! — с Цапо, «туристки», Адки и приёмного эскулапа). В Н., чую, и у этой бумаги перспективы дальше пыльной прокурорской полки не устремятся, но для заявы со статусом «веерной», улетевшей и в столичные инстанции, это не суть важно.

Советник на экзерсисы мои эпистолярные задумчиво кивал, под занавес зевнул и утешил стандартным «разберёмся» (флегматик или профессионал по отфутболиванию сограждан?). Ну и ладно (надежд на закон и справедливость у меня, считай, почти не осталось), и даже хорошо — время и силы на суесловие и братание с иллюзиями терять не будем.

Простились с советником (какой-никакой, а ход делу, пусть и формальный, дан), помахали прокуратуре ручкой — и на хаус. Дел мне — немеряно, на всю ночь, а отдыхать когда?! Этак я от перегрузок нервных свалюсь не сегодня-завтра, а кто подвиги свершать станет, ась!?!¹⁸²

Смыли на хаусе пыль дорог, перекусили, я быстренько девонькам инфо, в психушке нарытое, поведал. А теперь думайте, мои хорошие, только про себя, не вслух, — кто их знает, врагов коварных, может, и частную собственность «жучками» напичкали? Ну а через пару часов, как освобожусь, военный совет держать будем.

Пока девоньки думали, настучал на ПК статью — короткую, на пару тысяч знаков, но убойную, квинтэссенция — захват Ники, капсула, этапирование журналиста в психушку и множественные инъекции, превратившие светлый ум в подгнивший овощ. Статья — не комильфо¹⁸³ и неформат¹⁸⁴, шансов на публикацию в столичной газете (да и то в среду) — мизер, поэтому — от отчаяния-безысходности — приписал дружбану пару строк: поставил случай с Ники в один сущностный ряд с убийством в столице в октябре 1994-го коллеги бомбой, призвал, в общем, к солидарности журналистской.

Хотя знаю заранее (хорошо, не знаю, а предполагаю), что если дружбан цензуру внутреннюю придавит и пойдёт со статьёй к главному, тот, вероятнее всего, изобразит думу глубокую и отвечает с руководящей многозначительностью: вот если бы Ники бомбой, да в месте людном — тогда формат, тогда на первую полосу! А тут психушка... Психиатрия — дело, понимаешь, старик, тонкое, деликатное... Были бы в авторах Кен с Милошем, за коими авторитет цивилизованного Запада, или, на худой конец, карательная психиатрия времён СССР — тогда, «в рамках десоветизации», тогда, конечно, формат! А раз не авторитеты западные и времена нашенские, демократические (а ну как в Кремле... или на Охотном... или в особняках олигархических... кто-то поморщится, а?! Это ж нам — всей газете! — аукнется денежками рекламными, а то и кирдыкнется отзывом лицензии! Ты хочешь, дружище, потерять работу?! Вот и я того же мнения!), лучше воздержаться, да, воздержаться. Осторожность, сам понимаешь, старик, она ведь мать не чья-нибудь, а самой мудрости!

Второй адрес — рупор магната. Выходит по пятницам, в завтрашний, полагаю, уже свёрстаный, статья ни за что не успеет (удача, если погост за подписью Дины впишется в номер — амазонка звонила, интересовалась, ей вроде обещали...). Ладно, поглядим, может, в следующем выпуске появится. А если нет, сомнения насчёт магната (не он ли губернская закулиса?!), на десяток пунктов у меня точно вырастут.

Ну и третьей волной коротко, концептуально (в высоких инстанциях длинные тексты не читают даже помощники) — заявы (основа — статейка моя, так что из ПК легко вышли мелкой

¹⁸² — Ась (простор.) — вопросительный отклик при переспрашивании.

¹⁸³ — Комильфо (от франц. *comme il faut* — как надо, как следует) — прилично, подобающе.

¹⁸⁴ — Неформат — то, что не соответствует установленным правилам, стандартам, ожиданиям.

серией) в Кремль, ФСБ, Генеральную и лично министру дел внутренних. Проку, полагаю, ноль — один хрен отфутболят в Н., — но как прикрытие документальное дел наших вероятных (алиби не классическое, свидетелями подтверждённое, а логическое — но иного, по бедности нашей правовой, всё равно не будет), пожалуй, сгодятся...

Дела, правда, пока буксуют... Хотя фаллостники кладбищенские, Цапо, Мерлин-Ордынская и закулиса туманная меня раззадорили — утереться и отползти уже не тянет, нет, не тянет. И дело не только в спасении Ники (хотя и в этом тоже): когда мнящие себя хозяевами жизни, судеб вершителями, наглеть начинают без меры, бить их надо больно и нещадно всеми доступными народными дубинами — а иначе жизни достойной ни нам, ни детям-внукам нашим не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.